359
А 12

С. АБРАМОВИЧ-БЛЭК

СЕВЕРОМОРЦЫ

ВОЕНМОРИЗДАТ – 1939

ИЗ КНИГ МОРДВИНОВА Р.Н.
№ 1175
ШКАФ 2 ПОЛКА 3

359
Д 16

С. АБРАМОВИЧ-БЛЭК

Проверено | 2015

СЕВЕРОМОРЦЫ

ОЧЕРКИ О МОРЯКАХ
СЕВЕРНОГО ВОЕННОГО ФЛОТА

90 791

ФИЛИАЛ
Центральной ВМБ

Фундаментальная
военно-научная
библиотека ГШ ВМФ

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР

МОСКВА 1939 ЛЕНИНГРАД

С. АБРАМОВИЧ-БЛЭК

„Североморцы“

Сборник „Североморцы“ посвящен Северному военному флоту и рассказывает о его героических краснофлотцах и командирах.

Сборник рассчитан на массового читателя.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Воспитанники Баренцова моря	3
Заволоцкая Чудь	7
Слет хищников	10
Последний порт декабристов	21
Царский флот захвачен интервентами	23
Балтийцы двинулись на север	24
Встреча с вождем	25
Фабриканты войны	28
Город Полярное	33
Необыкновенный рейс	39
Бой с Арктикой	42
Комсомольская связь	54
Техника дыбом	61
Золотой фонд Северного военного флота	64
Пятилетие Северного военного флота	67

Редактор батальонный комиссар *В. Столяров*
Техн. редактор *И. Петровский* Сдано в производство 31/I 1939 г.
Корректор *Р. Мирмельштейн* Подписано к печати 28/IV 1939 г.

Формат бумаги 84×110 1/32 Леноблгорлит № Г-48599
Объем 4 1/4 печ. л. уч.-авт. л. 3,65 Изд. № 114
В бум. листе 147840 знаков Зак. № 386

Типография Военно-Морского Издательства НКВМФ.
Ленинград, зд. Главного Адмиралтейства.

ВОСПИТАННИКИ БАРЕНЦОВА МОРЯ

В июльском зное мирно дремали старые кронштадтские форты. Рейд, покрытый легкой рябью, казался усыпанным золотыми листьями. Над гаванью, над крепостью и городом Кронштадтом царствовало праздничное настроение.

Оно передавалось и группам краснофлотцев, собравшихся на верхних палубах кораблей.

Сегодня—28 июля 1938 года—водная спартакиада. Соревнование четырех морей на первенство СССР.

Каждый флот прислал лучших, отборнейших своих физкультурников.

Черноморцы поражали своим темнобронзовым загаром и атлетическими фигурами; балтийцы казались холеными цирковыми профессионалами-борцами; у тихоокеанцев была особая, очевидно границей привитая, сторожкость, готовность в любой момент, не спружиниваясь, сделать прыжок. Только североморцы по внешности были излишне равнодушными, излишне обветренными. Впрочем эта вот обветренность и являлась отличительным признаком краснофлотцев Северного военного флота.

Североморцы держались сдержанно. Еще накануне вечером, в экипаже, где были размещены гости-спортсмены, северяне рассказали немало собравшимся представителям других морей об условиях работы на Севере. Хозяева-балтийцы старались быть любезными, гостеприимными. Они расспрашивали приезжих об их быте, об условиях плавания, об особенностях северных морей и берегов. И североморцы, постепенно становясь общительнее, рассказали просто и спокойно, без ораторских прикрас, о море Баренца, о походах на Новую Землю, о том, как гремучая сила аммонала служит краснофлотцам вместо парового катка для сглаживания гранитных скал. Североморцы

говорили о девятибалльных штормах, как о самой нормальной погоде для дальних походов; вспоминали о туманах, как бы вскользь добавляли, что туманы эти не исключают ветра и широкой океанской зыби.

Именно океанской, потому что вдоль всего северного побережья Советского Союза лежит один Северный Ледовитый океан. И только потому, что изучить его было очень трудно, что понадобились столетия времени и тысячи человеческих жертв, чтобы хоть приблизительно овладеть этим океаном — отдельные его части носят различные имена—Баренцово море, Карское море, Море Лаптевых, Восточно-Сибирское море.

Североморцы вспомнили четырехметровые приливы и отливы, когда неосторожные суда внезапно оказываются лежащими на боку, когда с треском лопаются стальные швартовы, а беспечного вахтенного, заснувшего на катере у пристани, будят соленою шуткой: «Вахтенный, катер удавился!»

Слушатели придвигались ближе, а северяне продолжали рассказывать о чудовищных кренах кораблей при качке, о снежных бурях, бьющих в лицо с методичностью хорошо отрегулированного пулемета; о северном сиянии, электромагнитные разряды которого приводят радиоустановки к молчанию. Кто-то вспомнил про ночь, полярную ночь... и тогда старшина команды североморцев сказал как о чем-то совсем ничего не значащем:

— Что ж, ночь? В Мурманске ночь стоит месяц подряд, с восьмого декабря по восьмое января. Однако флаг три месяца поднимаем в девять, а в четырнадцать часов спускаем. Солнышко-то не сразу полный свет дает! Среди слушателей раздался смех. Рассказчику не верили.

Тогда северяне угрюмо смолкли, свернулись ежами, разошлись по койкам спать...

Стараясь сгладить эту неловкость, хозяева-балтийцы сегодня, в день гонок, были особенно любезны к североморцам. Они предложили им выбрать любую из шлюпок, кроме тех, конечно, на которых сами тренировались. Они сказали по-дружески пару слов о течении, которое бьет из Лесных ворот к доку, о водовороте против Кронштлота... Но, даже стараясь говорить по-товарищески, балтийцы не могли скрыть улыбок своего превосходства.

Действительно, краснофлотцы Балтики успели детально изучить все особенности шлюпок, на которых им предстоит состязаться. Балтийцы имели в своем запасе много часов тре-

нировки и знали рейд, на котором предстояло гоняться, не хуже чем кубрики своих кораблей.

Североморцы уселись на первую попавшуюся шлюпку, убедившись только в том, что налицо имеются весла и руль. И все приняли это как должное: едва ли был хоть один человек среди зрителей, считавший североморцев кандидатами в победители.

Перед самым началом гонки балтийцы проявили вдруг не совсем понятную нервность.

Они дважды срывали старт, давая первый гребок раньше сигнала.

Может быть им, балтийцам, не терпелось претворить свои мечты о победе в реальную действительность? Во всяком случае североморцы и здесь помнили, что они—гости и поэтому, хотя и в третий раз балтийцы чуть-чуть понервничали, никто не потребовал отмены старта.

Только шлюпка североморцев немного отстала, — а вдруг судья опять поставит всех на линию?

Но гонка началась. Это несомненно.

Старшина шлюпки приподнялся и скомандовал:

— Десять крепких в честь Ворошилова!

Эти десять крепких гребков сразу вынесли шлюпку североморцев на полкорпуса вперед. Повторять команду не пришлось.

Краснофлотцы Ашкеназ, Лобанов, Клюев, Шанин, Писарев и Федоров гребли уверенно, упорно, отдавая всю силу своих мускулистых тел.

Вот североморцы окончательно вырвались вперед, вот уже все шлюпки вытянулись в одну линию, передний край которой касается финиша.

Финиш. Шлюпка североморцев приходит первой, она прошла 10 кабельтовых (1 морскую милю) в рекордно короткий срок.

Результат неожиданный! Блестящая победа!

Ко второму разделу состязаний — парусным гонкам — все участники подходили с еще большим вниманием.

Старшина шлюпки североморцев как-будто слишком долго рассматривал план фигурной гонки.

На рейде были расставлены корабли, их надо было огибать в точно определенной последовательности, именно в таком направлении, как это указывалось на плане.

А старшина шлюпки североморцев, пожалуй, и не знал даже названий брандвахтенных судов.

Старт и... Ну, конечно же, североморцы запутались — решили зрители: все шлюпки пошли со старта правым галсом и только Андреев сразу же лег на левый галс.

Что он всех остальных учить хочет, что ли?

Самый молодой—северный флот... Самый старый—балтийский, самый жизнерадостный—черноморский, самый боевой — тихоокеанский.

Молодым надо учиться у старичков!

Североморцы, однако, доказали, что совсем не обязательно все делать по-старинке. Свою голову иметь надо, инициативную...

Североморцы срезали нос брандвахты левым галсом, им же и к финишу пришли первыми.

Кто учил их шлюпочному искусству, кто был заботливым тренером этих краснофлотцев Северного морского флота?

Море Баренца учило их гребле, штормы, еще совсем свеженькие, только что вышедшие из надполюсной «кухни погоды», давали североморцам уроки владения парусом. На широких волнах северных морей, когда шлюпка кажется идущей в глубоком овраге с отвесными стенками, североморцы научились делать сильные, длинные гребки. Двадцать гребков в минуту.

Тренер был суров — неоднократно ломали весла гребцы. Тренер был коварен и жесток—дня за два до отъезда на Балтику шлюпку североморцев в Кольском заливе захватил шторм.

Если бы не хладнокровная отвага т. Андреева, на состязания в Кронштадт поехали бы другие краснофлотцы. Семь человек, вероятно, было бы вычеркнуто штормом из списков личного состава Северного военного флота.

Остров Колгуев, например, замечательное место и для наращивания мускулов, и для обучения гребле.

В 1937 году один из кораблей тридцать шесть суток ходил вокруг Колгуева, ожидая, когда море позволит высадиться на берег. Несколько раз корабль посылал к берегу свои гребные суда и вслед за ними катер, чтобы вылавливать из воды людей, после того как шлюпки опрокидывались.

Остров Колгуев не прекращал «тренировки».

Корабль ушел в Архангельск, вновь погрузился углем, люди отдохнули и снова пошли штурмовать негостеприимный остров. На этот раз высадились.

Так Северное море прививает североморцам волю к победе.

ЗАВОЛОЦКАЯ ЧУДЬ

От Новгорода Великого по реке Сухоне, дальше в реку Северную Двину, против города Котласа, а потом вниз по течению и к тому месту, где теперь Холмогоры, где ныне Архангельск, бежали струги бывалых людей новгородских. Везли кожи, пеньку, деготь, другие товары.

А по берегу моря Белого жили «чудные» люди — карелы, хмурые и неразговорчивые.

У них случалось иногда новгородцам выменивать морскую слезу—балтийский янтарь, крупный «зеньчуг», из теплых стран привезенный, искусной пряжи шерстяное охоботье—платье. И говорили те побережные жители, что привозят им все эти товары неизвестные мореходы в крылатых шапках... А плавают те мореходы на высоких кораблях с парусами и зовут себя викингами, норманами.

Так узнали новгородцы, приплывавшие по реке Двине в Белое море, что по другую сторону Кольского полуострова тоже есть глубокий и удобный залив, куда часто приходят за рыбой неизвестные чужестранцы.

Послали ходоков путь обследовать. Вести получили утешительные и, недолго думая, положили катки под струги свои, потащили их волоком от Кандалакши.

Встретили по пути горные речки Колу да Тулому, по направлению их течения поняли: верно идут к морю. Вскоре и вышли в залив, длинный, ровно сужающийся к вершине.

Стан разбили, избы ставить начали, чтобы было где обогреться в следующий приход.

Новое поселение назвали Колой.

Мореходы, заявлявшиеся в Кольский залив каждый год в погоне за сельдью, оказались людьми несговорчивыми. Выбить хотели русских из нового сельбища и пришлось новгородцам крепить вокруг Колы малый острожек, запасаться пищалями да бердышами.

Норвежцы, а за ними и шведы все сильней нажимали на пришельцев; послали тогда кольские поморяне в Москву чело-

битную, просили у царя защиты, подкрепили просьбу свою подарками богатыми.

Принял царь под свою высокую руку Колу и сразу нашел ей, достойное царского его ума, применение: в 1652 году повелел Иван Грозный именовать село Колу—Кольским острогом и назначил быть тому острогу местом ссылки.

В 1664 году прибыл в Колу воевода, и дано тому воеводе в охрану сто человек стрельцов московских. Но еще раньше, много раньше, сложил народ поговорку: «от Колы до ада всего три версты».

Умел царь людские «поселения» устраивать. В 1704 году царь Петр Первый выстроил деревянную четырехугольную крепость в Коле, и было в той крепости четыре башни и пятьдесят девять пушек.

А в 1710 году Кола дала царю Петру, для нового его Балтийского флота, двести пятьдесят крепких, морское дело знающих, матросов.

В 1939 году Кола — маленький, в землю вросший поселок, населенный главным образом рабочими мурманских судостроительных верфей.

Здесь живут конопатчики, плотники, парусники, так необходимые для мореплавания.

Кола сейчас является как бы преддверием мест отдыха жителей города Мурманска.

Сразу же за Колой лежит санаторий Мурмаши и разъезд Выходной. Здесь в летние выходные дни мурманцы купаются в теплой реке Туломе, отдыхают на зеленой травке, в береговых зарослях. С Мурманском Кола соединена железной дорогой, с Мурмашами — автобусной линией.

В жилых, древних избушках полным накалом горят электрические лампочки, питаемые током Туломской ГЭС.

Но к северу и в обе стороны от залива бугристыми, шершавыми волнами бегут к Ледовитому океану пологие каменные холмы.

Словно в родовых муках земля сбрасывала именно здесь излишек огненной лавы в холодное море. Лава текла густым раскаленным варевом, стыла тяжелыми наплывами, морщилась многомильными складками.

Лава одела Кольский полуостров, похожий на морду бегемота, в толстую броню: никакому корню древесному здесь не пробиться.

Остывая, лава трескалась, отваливалась кусками огромной величины, обнажала серый, как осеннее небо, гранит, бурые, как шкурка линялого зверя, сланцы и гнейсы.

Обрывы точили — дождь, ветер, смена температур. Берег отгораживался от моря сплошной стеной недоступных человеку скалистых утесов. Под утесами затаились глубины, дна которых не достать никаким якорем.

Прошли годы, и появились на Кольском полуострове исследователи, научные работники дореволюционной Академии Наук.

Взяли образцы минералов, покопались на склонах гор, решили бесповоротно: изверженные породы. Весь полуостров на геологической карте покрылся густой красной краской. Это значило, что Академия Наук обрекла весь край на забвение.

— Полезных ископаемых на Кольском полуострове нет, — отвечали в те времена на экзаменах студенты Горного института.

Только после Октябрьской революции начались настоящие изыскательные работы в Мурманской области. Они проходили под непосредственным руководством ближайшего соратника товарища Сталина — Сергея Мироновича Кирова.

В 1923 году в Хибинской тундре был открыт апатит—минерал, содержащий большое количество фосфора и представляющий собой ценнейшее удобрение.

С 1929 года начались разработки апатитов. Большевистскими темпами в безлюдной тундре строился город, известный сейчас всему миру, город Кировск.

С первых же дней добыча советского апатита сделалась предметом вывоза, за которым в очередь стоят иностранные пароходы у причалов советских портов.

В 1937 году в Кировске было добыто 2 100 000 тонн апатита.

Хибиногорские апатитовые месторождения стоят на первом месте в мире. Колхозные и совхозные поля Советского Союза вполне обеспечены лучшим в мире фосфоритовым удобрением.

Там же в Хибинах обнаружены были нефелиновые породы, идущие на выделку высокосортного стекла. В 60 километрах к югу от города Кировска, вблизи станции Африканды, найден перовскит, из которого добывается ферротитан и делаются титановые белила.

В Мончетундре (на языке саамов это значит—«Красивая тундра») разрабатываются никелевые руды.

Уже сейчас в Мончегорске, центре никелевого района, закончен постройкой металлургический завод. В июле 1938 г. Мончегорский комбинат выдал стране первый никель.

В районе Ковдозера и Оленегорска найдены залежи железной руды, мощностью до одного миллиона тонн.

Обнаружен и эксплоатируется еще ряд ценных горных пород, в том числе слюда и лопариты (сырье для получения необия и тантала).

Каждый год летом на Мурман, на Кольский полуостров выезжают десятки советских геологических поисковых партий. Сокровищница природы здесь еще не до конца раскрыта. И список ценных ископаемых, которыми обладает некогда признанный мертворожденным Мурман, все более и более увеличивается.

Развитие промышленных районов на Кольском полуострове облегчается еще тем, что моря, его омывающие, исключительно богаты рыбой. Район имеет надежную собственную продовольственную базу. Советская власть построила в Мурманске большой рыболовный флот.

В 1929 году было выловлено 379 000 центнеров рыбы, а в 1937 году годовая добыча достигла двух миллионов центнеров.

И в довершение всего, Мурманск—порт, лежащий много северней Архангельска, не замерзает круглый год, тогда как Архангельск в течение шести месяцев ежегодно отрезан от моря.

СЛЕТ ХИЩНИКОВ

Война 1914—1918 г.г. с немцами, уже через год после ее начала, показала, что царская Россия нуждалась в военном снаряжении для борьбы с врагами.

Военные заводы, работая при полной загрузке, давали совершенно недостаточное количество вооружения. Снарядов, патронов, орудий, даже винтовок нехватало.

Буржуазия Англии и Франции, кровно заинтересованная в том, чтобы как можно дольше укрываться за спинами русских мужиков, начала подвоз военного снабжения в Россию.

Но основные дороги по Черному и по Балтийскому морям были закрыты противником; на Дальнем Востоке Япония вела

двурушническую политику и, любезно раскланиваясь, всучивала русским заведомый хлам по невероятно высоким ценам.

Оставалась как-будто свободной одна лишь северная дорога, морским портом которой был Архангельск. Однако и здесь на пути воинских грузов непреодолимым препятствием встали полярные льды.

Понуждаемое союзниками, фактическими хозяевами положения, царское правительство в 1915 году начало постройку Мурманской железной дороги — от Петрозаводска к берегу Кольского полуострова, где в жалком зачаточном состоянии имелось подобие порта, а главное незамерзающий, благодаря проходящему вблизи теплому течению, Кольский залив.

Строили дорогу и одновременно гужем через болото и каменистые овраги, через десятки ручьев и рек волокли с Мурманского побережья военное снаряжение. Лошади падали под тяжестью непосильной работы. На павших лошадей составлялись особые ведомости. Каждая конская голова была на счету.

От цынги, простудных заболеваний тысячами гибли на стройке люди... Людей не считали.

Всеми работами руководили французские и английские инженеры. Рабочие, согнанные со всех концов империи, считались мобилизованными, на них смотрели, как на скотину, и обращались с ними хуже, чем с каторжниками.

Дорога была построена в середине 1916 года. Одноколейная, наспех проложенная, без соблюдения элементарных технических правил «мурманка» вскоре прославилась обилием всякого рода несчастий и крушений.

Вплоть до Октябрьской революции по этой дороге пассажирское движение было затруднено и преимущество всегда отдавалось товарным поездам.

За время постройки в районе Мурманской дороги перебывало много иностранных инженеров и техников. Каждый из них, помимо официальных своих обязанностей строителя, выполнял еще и роль наблюдателя-разведчика. Самые подробные сведения о Мурманске получили и тщательно изучили их капиталисты и предприниматели Лондона и Парижа.

Иностранцы видели, конечно, больше и лучше, нежели царские чиновники. Естественные богатства края манили буржуазию возможностью легкой и богатой наживы. Эта свора ожидала лишь удобного случая, чтобы приступить к разграблению Советского Севера.

24 июля 1899 года на берегу Екатерининской бухты, примыкающей с запада к Кольскому заливу, в торжественной обстановке был открыт город Александровск.

Жителей в этом городе еще не было, и по выражению официального описания, осматривавший его в день открытия «имел редкий случай видеть больницу без больных, тюрьму без арестованных и школу без учеников»... Это положение усилиями царских чиновников было вскоре исправлено, и тюрьма наполнилась заключенными сверх меры, если же больница работала без перегрузки, то лишь потому, что и число жителей в городе почти не увеличилось.

Усилия царского правительства, предпринимавшиеся для оживления края и проводимые только на бумаге, никаких результатов не дали.

Однако морские специалисты капиталистических держав и, в первую очередь, британское адмиралтейство отчетливо и полно представляли себе выгоды единственного северного незамерзающего пути.

С начала войны 1914—1918 г.г. Екатерининская бухта сделалась базой английских военных кораблей. Англичане взяли на себя охрану морской дороги Лондон—Архангельск от немецких подводных лодок. Существовавшая в Белом море русская военная флотилия, состоявшая из старых миноносцев и тральщиков, также фактически перешла в руки английского командования.

Особого рвения на этом фронте английские морские офицеры, впрочем, не проявляли.

Немцы чувствовали себя в северных морях очень свободно, о чем может свидетельствовать хотя бы дневник [1]) командира подводной лодки «У-195», совершившего весной 1916 года разбойный налет на Мурманск.

... «На востоке занимается день. Светает. Справа показывается берег—Оленьи острова, а сзади них Екатерининский остров. Это вход в Кольскую губу, в глубине которой лежит Мурманск.

На одном холме вместо входного знака стоит крест, на другом—белый маяк под крышей очень странного вида, а рядом с ним—только деревянный дом. Нет ничего внушающего опасения, и лодка направляется к входу. Все кажется погребенным

---

[1]) «Немецкие подводные лодки в Ледовитом океане». Перевод с немецкого.

под снежным покровом. Наши орудия давно уже приготовлены к стрельбе. «У-195» медленно идет вперед. Баканы и мигалки— с обеих сторон фарватера».

Подлодка идет в надводном положении, все ограждения фарватера стоят на местах. Мигалки горят. Береговых постов наблюдения нет. Немцы совершают как бы увеселительную прогулку.

Командир подлодки обстоятельно записывает свои впечатления:

«За выдающимся далеко вперед мысом лежит гавань, в которой стоят корабли; в городе, который расположен в долине, идущей в глубь страны, видны большие здания. С помощью бинокля можно рассмотреть длинную каменную набережную, пристань, несколько складов, локомотив, ярко выделяющийся на снегу, с несколькими товарными вагонами идет из гавани к городу.

Отчетливо видны новые строения таможни, станция беспроволочного телеграфа и другие только что построенные здания. Несколько пароходов стоят на якоре; можно хорошо различить их флаги; почти все русские и английские.

Город и гавань, повидимому, не чувствуют никакого беспокойства. Буксиры и паромы, снующие повсюду, оживляют панораму.

Первый наш выстрел гулко разносится далеко по воде. Холмы отдают его раскатистым эхом. Второй и третий выстрелы следуют один за другим. Гранаты летят в станцию радиотелеграфа и там взрываются; всюду вспышки их разрывов; потом темный дым; наконец, выбрасывается пламя, и через несколько минут пожар в полном разгаре. Следующий залп попадает в башню, поддерживающую радиосеть, башня понемногу склоняется и после третьего попадания рушится. . . Радиостанция совсем сгорела, та же участь постигла и расположенную рядом с ней таможню. После первых выстрелов локомотив бросил свои вагоны и скрылся за постройками.

Теперь очередь за гаванью. Под огнем наших орудий оказались два «англичанина». Палуба и корпус их при первых же выстрелах получили тяжелые повреждения. Видно, как команда, сломя голову, бросается к шлюпкам, спасаясь на берег. Вдруг в глубине гавани показывается густой дым и начинает приближаться к нам с невероятной быстротой. Видно несколько рядом стоящих труб и низкие корпуса-истребители.

Стрельба наша немедленно прекращается. Лодка разворачивается и полным ходом идет в море. За нами мчатся два русских истребителя и один английский. Но слишком поздно. «У-195» уже успела погрузиться на безопасную глубину и быстро удаляется в море».

В том же дневнике через несколько страниц читаем: «. . . Повторения столь дерзкого набега они уже никак не могут ожидать, а потому—ровно через два дня—над городом (Мурманском) опять свистят немецкие гранаты, неся с собой разрушение и смерть. На этот раз густой дым окутывает портовые склады, над ними занимается громадное зарево, которое долго освещает путь уходящей в море подводной лодке. . .»

Во второй раз английские эсминцы даже не побеспокоили преследованием неприятеля.

Немецкие снаряды разрушали здания русского порта. Затаенному английскому плану это нисколько не мешало. Русская северная окраина должна была по расчетам иностранцев к моменту окончания войны с немцами оказаться разоренной, голодающей. В таких условиях капиталисты могли надеяться получить ее от царского правительства за бесценок.

Октябрьская революция спутала карты международных хищников. Добыча уходила из рук. Но опытные пройдохи нашли себе ловкого агента в лице матерого предателя Иуды Троцкого.

После Октябрьской революции международная буржуазия твердо решила оккупировать мурманскую область, чтобы начать в ней разворачивание контрреволюционной армии.

В водах Баренцова моря начали сосредоточиваться английские, французские, американские корабли. На этих кораблях находился специальный отряд офицеров и инструкторов. Предполагалось, что рядовых для будущей антибольшевистской армии интервенты получат путем мобилизации местного населения.

Генералиссимус маршал Фош хвастливо утверждал: «Дайте мне двадцать пять тысяч европейских солдат и я поставлю большевиков на колени». Русских крестьян рассчитывали капиталисты обманом и угрозами заставить себе служить.

Однако нужно было обмануть также и своих рабочих. Интервенцию, грабеж Советского Севера капиталисты старались представить как защиту местного населения от большевиков. И обязательно требовалось, чтобы это население само попросило притти к ним интервентов.

Здесь пригодился интервентам враг народа—Троцкий. Пользуясь своим тогдашним служебным положением, выродок человечества ультимативно предписал Мурманскому Совету Рабочих Депутатов принять от иностранцев военную поддержку, якобы для борьбы с Германией.

В Совете оказались агенты белогвардейцев—эсеры и меньшевики, которые с радостью пошли на это предложение. Воспользовавшись затем продовольственными затруднениями края, предатели инсценировали разрыв с центральной Советской властью и открыто перешли на сторону интервентов.

Нелишне вспомнить, что большинство иностранных послов, уезжая после Октября из Москвы, направились не в свои страны через Финляндию и Швецию, а в Вологду, где остались ждать высадки интервентов в Архангельске и Мурманске.

Американский посол Френсис в своих мемуарах открыто признает, что ему было заранее точно известен день контрреволюционного выступления на Севере.

Эскадры интервентов, придя на видимость Мурманских берегов, выжидали, когда произойдет белогвардейский переворот и новое правительство официально призовет интервентов.

В Архангельске первым постановлением нового «правительства» было:

1) ввести военное положение в городе;

2) послать по радио извещение союзникам о смене правительственной власти;

3) делегировать для приема союзного десанта председателя верховного управления и двух его помощников и выслать навстречу англичанам почетный караул.

Бутафорское правительство продержалось на Севере ровно столько времени, сколько пробыл на нашей земле десант интервентов.

Грабеж, расстрелы, зверства—таковы были основные моменты политики интервентов на Мурмане и в Архангельской области.

В армии интервентов были: англичане, французы, канадцы, американцы, сербы, итальянцы, шотландцы, финны, поляки, датчане.

Каждое из капиталистических государств прислало свой, хотя бы небольшой, отряд.

Каждому мечталось и не терпелось принять участие в дележе добычи.

Командующим всеми вооруженными силами захватчиков был назначен английский генерал-майор Пуль.

Основная «работа» интервентов свелась к вывозу в свои страны товаров, награбленных в наших советских складах.

Наиболее сильные хищники урывали себе львиную долю.

Англичане вывезли:

Лен	1 158 238	пудов
Кудель	79 680	„
Пенька	61 933	„
Пакля	15 607	„
Смола	75 180	„
Пек	7 084	„
Марганец	76 000	„
Льняное семя	22 447	„
Поташ	5 477	„
Конский волос	1 390	„
Щетина	3 036	„
Фанера	21 646	„
Разных товаров	2 455	„
	1530 173	пуда

общей стоимостью в двадцать семь миллионов девятьсот тридцать семь тысяч рублей золотом.

Французы вывезли:

Лен	301 205	пудов
Кудель	7 493	„
Пенька	16 677	„
Пакля	9 756	„
Свекловичное семя	49 639	„
Льняное семя	4 984	„
Спичечная соломка	54 386	„
Поташ	724	„
Фанера	27 077	„
Щетина	493	„
Смола	7 533	„
Марганец	22 000	„
Разные товары	269	„
	502 236	пудов

общей стоимостью на восемь миллионов двести тридцать тысяч рублей золотом.

Всего из мурманской области интервентами различных национальностей было вывезено различного сырья и товаров мелкими партиями на сумму до пятидесяти миллионов рублей золотом.

Интервенты последовательно проводили на Севере колониальную политику — об этом свидетельствуют даже показания белых офицеров.

Непосредственно после оккупации Севера интервенты обратились к населению с воззванием:

«Мы пришли к вам на помощь, как друзья, помочь вам спастись от развала и разрушения в руках Германии, которая старается поработить вас, использовав богатства вашей страны для своей пользы...

Мы торжественно заявляем, что наши войска вступили в Россию не потому, что мы хотим захватить хотя бы одну милю русской земли, а для того, чтобы помочь вам в ваших условиях противодействовать Германии. Мы оплакиваем гражданскую войну, которая разделяет нас, и внутренние несогласия, которые облегчают проведение германских завоевательных планов. Мы не имеем намерения навязывать вам какое-либо политическое устройство. Русские люди! Мы хотим принести экономическую помощь вашей разоренной и страдающей стране».

Эта экономическая «помощь» выразилась, как известно, прежде всего в ограблении советских складов на солидную сумму — пятьдесят миллионов рублей золотом.

Что касается политического устройства, то о нем интервенты как-будто не желали даже поднимать вопрос.

С приходом интервентов Мурман и Архангельская область превратились в каторжную тюрьму.

Саломбала, Иоканьга, Мудьюг, Александровск сделались жуткими застенками «культурных» палачей, европейски образованных изуверов.

Военно-полевые суды под непосредственным наблюдением иностранных представителей — вот основные органы управления, введенные англичанами и французами.

Командующий оккупационной армией лично следил за истреблением неугодных интервентам людей, всячески торопил и подталкивал марионеточное северное правительство.

Он писал председателю управления Чайковскому весьма деликатные письма, сквозь лакированные фразы которых проступали окровавленные когти палача:

«Милостивый Государь Николай Васильевич!

Уже более недели тому назад я просил Вас издать указ об учреждении военного суда.

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ 17

Между тем уже опубликованы ко всеобщему сведению перечни преступлений, которые подсудны только военному суду, и уже имеются лица, подсудные этому суду, но указ об учреждении суда Вами не издан.

Прошу Вас означенный приказ издать в срочном порядке и принять уверения в совершенном моем уважении и преданности.

Генерал-майор, командующий союзными войсками Пуль. 30 августа 1918 г. № 118».

Подстегиваемые интервентами белогвардейские убийцы работали с лихорадочной быстротой: только через одну Архангельскую губернскую тюрьму ежемесячно проходило до 400 человек, обреченных на смерть.

Арестовывали не только за участие в комбедах, за участие в полковых комитетах, но и за участие в «классовой борьбе».

Всех заподозренных в близости к большевистской партии расстреливали без суда и следствия. О тюрьмах интервенты имели особую заботу.

«Дается вам знать, что в ваше распоряжение командируется помощник начальника временной тюрьмы Федотов, которому надлежит поручить пулемет, как специалисту, а также поручить ему ознакомить надзирателей с употреблением его». Далее подробно разъясняется, как надо делить арестованных на категории в зависимости от того, какую опасность они для захватчиков представляют, а в заключение краткое указание: «Оружие употребляется против всех пяти категорий».

После вынесения смертных приговоров, иностранные генералы ласково напоминали белогвардейским властям: «При сем прилагаю дело военного суда, заседавшего 25-го октября 1918 года, и удостоверение тюремных властей о приведении в исполнение смертного приговора над бывшим офицером Степаном Ларионовым, комиссаром Шарыгиным, Гиоргиевским, Якобчаком, Джамчиковым. Пожалуйста примите меры, чтобы приговор над другими арестованными был приведен в исполнение.

Е. Аронсайд. Бригадный генерал, главнокомандующий экспедиционными силами Северной России».

В Иоканьгской каторжной тюрьме на 14 ноября 1919 года содержалось 1 080 человек арестованных.

В бывшем картофельном погребе, кубатурой в 9 куб. саженей, помещалось 56 человек заключенных.

Нельзя пройти молчанием еще одну деталь интервенции: активное сотрудничество буржуазных ученых с палачами рабочего класса.

Эрнст Шекльтон, англичанин-путешественник, знаток полярных стран, принял участие в интервенции за несколько месяцев до ее начала. Шекльтон заведывал мастерскими, изготовлявшими специальную зимнюю обувь для английских солдат, отправлявшихся на Север Советского Союза.

Позаботившись о ногах солдат, Шекльтон пожелал и собственные руки нагреть, занявшись колонизацией Мурмана.

Быстро сколотив в Англии компанию денежных людей авантюристического пошиба, Шекльтон обратился к генерал-губернатору Северной области со следующим, цинично откровенным, письмом:

«Мурманск 30 января 1919 г.

Милостивый государь!

Я предполагаю образовать общество совместно с некоторыми деловыми друзьями моими в Англии для развития и эксплоатации Александровского и Кемского районов Северной России...

Я испрашиваю у вашего правительства концессию на нижеследующее:

1. Аренда некоторого числа участков г. Мурманска на 99 лет.

2. Площадь в центральной части делового района г. Мурманска размерами — для постройки конторы и пр. для моего общества на арендный период в 99 лет.

3. Некоторую часть побережья не менее 800 *м* длины и 150 *м* в ширину для доков и складов общества на арендный период в 99 лет.

4. Если русское правительство окончательно решит не строить военно-морской базы в Мурманске, но превратить Мурманск исключительно в коммерческий порт, я испрашиваю, чтобы обществу было дано преимущественное право постройки набережных и доков, и если правительство решит сдавать в аренду площадь частным коммерческим предприятиям, то моему обществу должно быть дано преимущественное право арендовать часть площади, освобождаемой подобным решением.

5. Я испрашиваю русское правительство предоставить мне право исследовать всю область, входящую в Александровский и Кемский районы. Если во время этих

исследований экспертами моего общества обнаружатся минералы, которые стоит разрабатывать, то обществу должно быть разрешено взять и разрабатывать эти минералы на основании определенных горнозаводских заявок».

Аппетит ученого исследователя разгорался по мере перечисления в письме различных богатств края. Шекльтон все с тем же предисловием — «должно быть» — испрашивал далее лесные расчистки в подходящих местностях, на обычных условиях, «всякое минеральное месторождение, открытое обществом, или всякое известное минеральное месторождение, не занятое ко времени заявки общества»... «право прокладки магистралей»... «разрешить обществу очищать реки и пороги»... «устраивать лесные сплавы», **«защищать права общества»,** т. е. иметь свои вооруженные силы — наподобие английских сил в Китае.

В этом замечательном документе был и такой пункт: «если бы русское правительство когда-либо решило продать Мурманско-Сорокскую железную дорогу, мое общество должно получить преимущественное право на приобретение ее по минимальной назначенной правительством цене».

Лесопильные заводы, белый уголь водопадов и горных рек, рыбные промыслы у побережья и на озерах — все это не ускользнуло от жадного взора «ученого» деляги. Взамен отдачи ему в полную кабалу всего Мурманского края, Шекльтон предлагал немедленно... прислать «снабжение для населения» в виде платья, табаку, домашних принадлежностей.

Это снабжение, однако, должно было распределяться не «северно-русским правительством», а военным английским командованием.

Таким образом, полярный исследователь Эрнст Шекльтон хотел купить Мурман тем же способом, каким его родичи англичане покупали у дикарей полинезийцев землю их островов: за бусы, железные кольца, яркие ситчики.

Генералы и банкиры, сидевшие в правительстве, деликатно отвечали Шекльтону, что они «приветствуют» его начинания, но просят не торопиться. Им будет удобнее распродать край по частям втихомолку, не возбуждая излишних толков среди местных жителей.

Этой продаже помешала Рабоче-Крестьянская Красная Армия, выбросившая интервентов за пределы Советского Союза.

ПОСЛЕДНИЙ ПОРТ ДЕКАБРИСТОВ

Центр мятежного каре 14 декабря 1825 года на Сенатской площади Санкт-Петербурга занимал батальон гвардейского флотского экипажа.

В разнобой голосов, требовавших на царство то «Константина», то «Николая», матросы вклинивали прямое и точное заявление: «Долой царя».

Этот возглас хорошо запомнил Николай Палкин, лично командовавший батареей, расстреливавшей декабристов артиллерийским огнем.

Восстание было предано главарями из дворянской верхушки. Началась жестокая расправа с участниками движения.

Царь признал в отношении матросов невозможными, недействительными обычные предохранительные меры: разжалование всех в рядовые, расформирование батальона, распределение личного состава по нескольку человек в другие части.

Батальон решено было уничтожить целиком.

Матросов-декабристов, закованных в кандалы, погрузили на военный корабль и отправили из Кронштадта в Средиземное море, где действовала против турок русская эскадра.

Командиру эскадры тайной эстафетой дано предписание: штрафной батальон использовать в качестве десанта в первой же операции — «в коей слава отечества только великой кровью завоевана быть может».

Корабль вышел в плавание точно в положенный срок, а придя к берегам Англии, по заведенному обычаю решил запастись в одном из портов водой и свежей провизией.

Однако получилось совсем не так, как предполагали офицеры корабля.

В день прихода в гавань обреченные матросы взбунтовались, пытаясь вырваться из своей плавучей тюрьмы. Пришлось мобилизовать все силы, чтобы не дать декабристам захватить в свои руки корабль.

Английские портовые власти оказали командиру фрегата помощь своей полицией и морской пехотой, но потребовали, чтобы неблагополучное судно немедленно вышло в море.

Весь дальнейший поход командир совершал, уже не решаясь подходить к берегу.

Хуже всего, конечно, в смысле питания и жизненных условий приходилось штрафным матросам. Декабристы пили

затхлую, вонючую воду; лежали вповалку в тесном, душном трюме и все-таки не теряли боевого своего духа.

Прибытие в Архипелаг к действующей русской эскадре было встречено офицерами тюремного корабля как освобождение из плена.

Декабристов передали адмиралу, командующему эскадрой, и сразу же постарались о них забыть.

Адмирал торопился исполнить царский приказ, и декабристов высадили на берег, приказав им итти в атаку на турецкие позиции.

Мятежники, однако, повернули штыки в сторону пехоты, гнавшей их под турецкие пули, и... адмиралу пришлось просить у неприятеля перемирия для того, чтобы вновь заковать матросов в кандалы и загнать в трюмы кораблей. Военный совет решил, что штрафные представляют собой материал, отнюдь не подходящий для фронта.

Новый корабль, с особыми предосторожностями, доставил матросов-декабристов, значительно поредевший их батальон, в Севастополь. Здесь непокорных ждало новое царское повеление: следовать этапным порядком в город Архангельск... Пешком через всю Россию—от Черного моря до Белого. И они пошли... все в тех же вылинявших бушлатах с обрывками погон на плечах, в фуражках без ленточек.

Шли под усиленным конвоем дни, недели, месяцы... Шли в непогоду и дождь, в распутицу. Полуголодные, больные, изнемогающие... И все-таки в каждом городе на пути—везде, где конвой делал остановку, матросы бунтовали. Они разгоняли полицию, избивали чиновников.

Власти мобилизовывали весь гарнизон. В упор открывали огонь по матросам и только своей численностью вновь одолевали мятежников.

После каждого города декабристов оставалось все меньше и меньше... Многие товарищи сложили свои кости в южных степях, на площадях городов центральной России, в густых придвинских лесах... Едва сто человек матросов, проделав беспримерное в истории человеческих мук «кругосветное путешествие», пришли в Архангельск. Они положили основание беломорскому штрафному флотскому полуэкипажу.

Экипаж этот просуществовал вплоть до Октябрьской революции... И все это время он хранил славные бунтарские традиции декабристов, для которых Архангельск был «последним портом». В день прихода в Архангельск интервентов беломор-

ский экипаж дал кадры для победоносной Северо-Двинской Красной военной флотилии.

ЦАРСКИЙ ФЛОТ ЗАХВАЧЕН ИНТЕРВЕНТАМИ

Соединенная эскадра интервентов появилась в Архангельске 2 августа 1918 г., а через три дня белогвардейские правители уже обсуждали вопрос о передаче англичанам русских военных кораблей.

Адмирал Кемп категорически требовал передать в его распоряжение лучшие корабли бывшей Беломорской военной флотилии.

Так называемым властям ничего не оставалось, кроме, как только заключить с «союзниками» особое письменное соглашение по вопросам, «регулирующим предоставление русских судов в их распоряжение».

Соглашение, само собой, было заключено в срочном порядке и к полному удовольствию интервентов.

В руки англичан перешли — крейсер «Аскольд», ледоколы «Святогор» (ныне «Красин») и «Микула Селянинович», посыльные суда «Соколица» и «Гориславa», миноносцы «Капитан Юрасовский», «Лейтенант Сергеев», «Бесшумный», военные тральщики №№ 6, 12, 13, 14, 16, 17, 19, 29, 31, 33, 34, 36 и 41. Англичане, захватив суда, приступили к очистке их от русского личного состава.

Большинство революционных моряков, в первый же день захвата власти интервентами, ушло на пароходах вверх по реке Северной Двине.

На военных судах, бывших в Архангельске, осталось очень незначительное число матросов.

Только с кораблей, стоявших в Мурманске под дулами орудий английских крейсеров, уйти было невозможно.

Все же это была наиболее опасная для захватчиков часть населения. Поэтому уже через несколько недель в северных водах появились корабли совершенно необыкновенного, смешанного состава.

Так, на крейсере «Аскольд» был поднят английский флаг, и весь личный состав был английский.

То же было и на «Святогоре». На «Микуле Селяниновиче» под английским флагом плавали русские матросы.

Миноносцы плавали под русскими флагами с русскими командирами, но «Лейтенант Юрасовский» имел американских

матросов, «Лейтенант Сергеев» — английских, «Бесшумный»— французских.

Все захваченные тральщики перешли к англичанам; один из них впоследствии взорвался на мине заграждения, один был передан французам.

Когда белые власти заикнулись было о возврате им русских военных судов, англичане ответили, что 14 тральщиков они берут себе «в возмещение расходов по снабжению Мурманского побережья рыболовными принадлежностями». Крейсер «Аскольд» был просто уведен в Англию, а для его возвращения на Север британское адмиралтейство не нашло возможным дать английских матросов [1]).

К 23 февраля 1920 года наша доблестная Красная шестая армия уничтожила на севере белогвардейцев.

«Усилиями Красной Армии и доблестью героического пролетариата снова прорублено окно в Европу.

Врагам советского народа не захлопнуть его никогда».

(«Известия ВЦИК» № 38 (885) от 20 февраля 1920 г.).

БАЛТИЙЦЫ ДВИНУЛИСЬ НА СЕВЕР

В прозрачной тишине белой ночи бесшумно раскрылись разводные части невских мостов.

Вдоль берегов, заделанных в гранит, мимо бывших дворцов титулованной знати, мимо памятников, мимо заводов шел необыкновенный караван: боевые морские корабли, приготовленные к длительному переходу по рекам и озерам, снабженные одновременно и морскими и речными приспособлениями и приборами, обеспечивающими безопасность плавания, пароходы, загруженные продовольствием и снабженные всем, что могло понадобиться судам в их новой еще необжитой, точно неустановленной, даже территориально, базе. Караван шел осторожно, прощупывая каждый свой шаг и в то же время упорно, как человек, решивший не отступать ни в коем случае. Все привычное, изведанное осталось позади. Здесь перед глазами лежали только зеленью покрытые речные берега, яркие пятна новостроек на них. Совсем вплотную к бортам кораблей придвигались свежевспаханные поля... Река Нева,

---

[1]) „Адмиралтейство отказывается дать экипаж для доставления „Аскольда“ на север“—из телеграммы Саблина, русского поверенного в делах (Лондон, 5 ноября 1919 г., № 79).

Шлиссельбург, известный по экскурсиям. Ладожское озеро, не надолго обрадовавшее почти морским горизонтом, и тесная, будто коридор гребного вала, порожистая, словно эскалатор станции метро, река Свирь... Здесь была первая остановка каравана. Дальше — Онежское озеро и, наконец, Беломорско-Балтийский канал. Один за другим корабли начали взбираться по ступеням водной лестницы, чтобы, поднявшись на 76 метров над уровнем моря, осилить повенчанский барьер.

Каждый шлюз в точности заставлял краснофлотцев проделывать все то, что полагается делать при входе и выходе из сухого дока.

И это было бы совсем обычным, если бы не повторялось столь часто.

Понятие дока связано у моряков с понятием ремонта или переделки судна. В данном случае эта переделка имела грандиозные размеры: корабли меняли свое привычное, Балтийское море, на какое-то новое, совсем еще неизвестное.

На Семнадцатом партийном съезде в 1934 году т. Ворошилов в своем докладе сказал:

«За последние годы мы не только укрепили и усилили морские силы Балтийского и Черного морей, но... перебросили кое-какую толику судов по новому каналу на Север, чтобы не быть беззащитными и на этом участке».

Вот и последний шлюз — город Сорока. Балтийский отряд стоит на пороге Белого моря. С высоты корабельных мостиков уже видно это море — на синей глади его стаями лебедей медленно движутся большие и малые льдины.

ВСТРЕЧА С ВОЖДЕМ

Весть пришла внезапно — в ясный солнечный день двадцать первого июня на отряд прибудет т. Ворошилов.

Молниеносной была приборка; краснофлотцы, суетясь у своих приборов, орудий и механизмов, искренно жалели, что не могут показать своему Наркому корабли в должном виде.

Поход по каналу заставил кое-что изменить в обычном укладе жизни и работы.

Когда, уже переодевшись в чистое платье, наводили последний глянец на и без того блестящую медяшку установок, пришло новое известие — Нарком будет не один. Корабли посетит вождь трудящихся, тот, чей голос слышится, чей гений

чувствуется в каждой детали социалистической стройки — наш великий Сталин. Эта весть несказанно обрадовала всех.

Но как встречать его, Сталина, близкого каждому, как родной отец, и в то же время вождя трудящихся всего мира?

Так думали многие, быстро выстраиваясь шеренгами на площадке последнего повенчанского шлюза.

Полдень. Медленно подходит пароход «Анохин». Краснофлотцы глазами специалистов критикуют каждое движение команды парохода, мысленно подсказывают, советуют, как надо выполнить тот или иной маневр.

Краснофлотцам кажется, что они все сделали бы во много раз лучше и скорее, что пароход непростительно медлит.

Поставлены сходни.

Краснофлотцы, с трудом сдерживая свое нетерпение, нервно переводя дыхание, подравниваются в рядах.

Первым сходит с парохода Нарком.

Товарищ Ворошилов в белой летней гимнастерке, бодрый и веселый, уверенно идет по трапу на берег.

За Наркомом по трапу шел великий Сталин.

Он в своем неизменном полувоенном костюме — именно такой, каким его знают и помнят по фотографиям и портретам.

Вот он здесь, совсем рядом, великий и простой Вождь.

Молнией прорезывается мысль: значит есть что-то необыкновенное во всем этом походе, значит особо важные задачи поставлены перед отрядом балтийцев, если сам товарищ Сталин лично прибыл осмотреть будущий плацдарм будущего Северного военного флота.

Становится строже выправка бойцов, сухим блеском особенного внимания загораются их глаза: каждое слово впитать в себя, откристаллизовать в сознании от сегодня и навсегда.

Рядом со Сталиным идет жизнерадостный, оживленный, о чем-то с упоением рассказывающий Сергей Миронович Киров; это его неутомимой инициативой Кольская тундра превращается в очаг советской индустрии.

Подана отрывистая команда.

Нарком Обороны принимает рапорт командира Балтийского отряда военных кораблей.

Тов. Ворошилов поздравляет бойцов и командиров с благополучным окончанием похода по еще совершенно неизученной трассе нового канала.

Наркома сменяет Киров. Образно, захватывающе говорит он о завоевании большевиками Севера, о громадных перспективах на будущее, о той роли созидателей новой культуры, которая возложена на личный состав нового отряда советского военного флота — флота Северного.

Моряки слушают, слушают напряженно, внимательно и ждут.

Каждый боец чувствует на себе пристальный, теплый, заботливый взгляд мудрого Сталина.

Нарком медленно идет по фронту, спрашивает негромко, деловито: «У кого есть жалобы, претензии?»

Из рядов кто-то неуверенным голосом заявил: «Просим выступить товарища Сталина».

И тогда, взрывая парадную тишину, поднялась над шлюзом буря рукоплесканий. Это было единственное желание всех бойцов и командиров отряда.

Он подошел ближе к бойцам, спокойным движением руки потребовал внимания, заговорил.

Сталин говорил с обычной ласковой и проницательной своей усмешкой, короткими подчеркнутыми фразами. Здесь была вся программа предстоящих работ, законченная и стройная, как скульптура величайшего зодчего, директива вновь созданному Северному военному флоту.

Товарищ Сталин обрисовал общее международное положение и положение в наших северных морях, вдоль наших полярных границ. Перед глазами командиров и краснофлотцев в чеканных фразах Сталина вставали мощные заводы и фабрики Мурманского побережья, города и становища, школы, больницы и клубы, кипящая жизнь советской страны.

Все это надо было одеть броней неустанной бдительности, изучить каждую скалу, за которую может зацепиться крюк пристающей вражеской десантной шлюпки, надо было повесить стальной большевистский военно-морской замок на двери нашего Заполярья.

Бойцы слушали вождя и им казалось, что это они произносят клятву хранить нерушимо границу, стоять на страже незамерзающих советских северных портов, быть готовыми в любой момент отразить нападение врага любой численности, с любым вооружением.

После своей речи товарищ Сталин осматривал корабли, подробно расспрашивал краснофлотцев об их быте и службе.

В тесных проходах подводной лодки товарищ Сталин интересовался каждой мелочью, настойчиво и подробно, и бойцам казалось, что к ним прибыл новый член экипажа. Этому хотелось верить инстинктивно, не задумываясь, так задушевно, просто вел беседу человек, к которому тянутся мыслью все трудящиеся всего мира.

Этот день был днем рождения Северного военного флота. Он оставил неизгладимое впечатление в сердцах всех присутствовавших.

В речи товарища Сталина кроются источники той поразительной, неиссякаемой энергии, с которой бойцы-североморцы взялись за организацию военно-морского флота в полярных морях.

Корабли вышли из канала в Белое море. Закипела работа по подготовке судов к морскому переходу в будущую военную базу на Баренцовом море.

В это время товарищ Сталин уже осматривал каменные громады берегов Кольского залива, определял место, где должен вырасти новый город-крепость.

5 августа 1933 года город Мурманск торжественно встретил первый отряд боевых кораблей нового флота.

ФАБРИКАНТЫ ВОЙНЫ

Сотни тысяч людей зажаты в тиски военной дисциплины.

Рабочих кормят только так, чтобы назавтра они смогли стать к своим станкам.

Шумы больших городов сливаются с ровным топотом повсюду марширующих военных колонн.

Голодные крестьяне, еще не успев собрать урожай, получают распоряжение о сдаче своего хлеба на военные склады.

Рев военных оркестров, глухие удары резиновых палок, скрежет и стук множеств военных машин сливаются в жуткую разноголосицу.

Фашизм знает, что пляшет он свой танец с факелами в пороховом погребе, что под очень тонкой корочкой страха перед фашистским террором лежит добела раскаленная ненависть угнетенных.

Фашизм ищет пути для скорейшего развязывания войны.

В наглухо закрытых комнатах генеральских штабов фашистских держав родятся порой чудовищно-нелепые планы.

Очень просто и легко руками доморощенных завоевателей отхватываются советские территории, лихорадочно скачут булавки с флажками... по карте СССР.

Только по карте...

Когда фашисты немного приходят в себя от воинственного бреда, они чувствуют, что эти будущие победы надо хоть чем-нибудь обосновать, дать своим наемникам хоть какую-то долю надежды на успех.

Тогда создаются дикие, как галлюцинации пьяного дегенерата, новые методы войны.

Война тылов — мы знаем, что это значит на примере фашистской интервенции в Испании.

Это — мирные деревушки, засыпанные сотнями тонн зажигательных, фугасных и отравляющих бомб. Это—рассчитанное методическое убийство женщин, детей, стариков.

Война бактериологическая — моровая язва, чума, холера— все завоевания медицины, которые лучшими умами человечества сделаны для исцеления его от болезней, словно в кривом зеркале, приспособлены будут в обратную сторону для человекоубийства.

Агенты фашистов уже сейчас в Париже производят опыты над скоростью отравления смертоносными бациллами туннелей метрополитена.

Война химическая... В самом отдаленном флигеле венского военного госпиталя имени Франца-Иосифа и сейчас живут еще восемьдесят живых трупов.

Это офицеры из богатых, знатных фамилий. В империалистическую войну 1914—1918 г.г. они были отравлены боевыми газами. Они изуродованы настолько ужасно, что их нельзя показать нормальным, живым людям. Даже родственникам. Если бы это были простые солдаты, конечно, их давно убили бы... Но... дворянская кровь дает им право на жизнь в тесном заключении больничной тюрьмы.

Война потаенная — с помощью шпионов-диверсантов, вредителей. Здесь отброшено всякое элементарное чувство порядочности, совести, чести. Все построено исключительно на измене, на подлости.

Открытые судебные процессы правых и троцкистов показали трудящимся безграничную душевную пустоту этих людей.

Одновременно на этих процессах приоткрылись и двери секретных комнат фашистских штабов.

Мир заглянул на фашистские географические карты.

Вместо хлеба и масла фашисты показывают рабочим на карте советскую Украину и говорят многозначительно: там масло и хлеб в изобилии. Советское Баку, весь Азербайджан отмечен, как основное и главное нефтехранилище... тех же фашистов.

Урал иначе не называется, как склад фашистских запасов железной руды, асбеста, всякого рода ценных ископаемых.

Фашизм признает только право захвата. И декламацией о плодородности чужих земель пытается гипнотизировать сознание своих изголодавшихся рабов. Так убийца разжигает себя подсчетом богатств, которые он отнимет у своей жертвы.

Это умственное «занятие» фашистских бандитов отнюдь не безопасно для окружающих.

В аккуратненьких, четким убористым шрифтом отпечатанных книжечках «Маринен-Рундшау», официального германского военно-морского журнала, очень подробно за последнее время разработаны планы нападения на Северный морской путь.

Фашисты, видите ли, считают совершенно необходимым разрушить северные морские коммуникации Советского Союза.

Как известно, Северный Морской Путь служит исключительно для целей экономики и культуры, для развития культурной и экономической жизни народов крайнего севера.

Десятки и сотни пароходов под флагами всех наций ежегодно идут с так называемой Карской экспедицией в устье реки Енисея; пароходы Главсевморпути завозят продовольствие и снабжение в устья рек Лены, Индигирки, Колымы.

Из Владивостока в Якутию идут сельскохозяйственные машины и мануфактура, из Якутии во Владивосток — соль, лесоматериалы, пушнина.

Рейсы исключительно коммерческого значения. Но в «Маринен-Рундшау» можно прочесть точные расчеты полетного времени от военных германских авиабаз до наиболее трудных в навигационном отношении участков Севморпути.

Карские ворота — пролив между Новой Землей и островом Вайгач — указываются в качестве первого объекта нападения.

Профессиональные фабриканты войны тщательно рассматривают проливы Вилькицкого и Шокальского (между

островами Северной Земли) с точки зрения их поражаемости с воздуха.

В студеных морях Дальнего Севера люди до сих пор считали основным и единственным своим врагом природные условия: холод, льды, туманы, штормы. Но это были нормальные, настоящие люди. Человекоподобные звери — фашисты — мечтают о том дне, когда они сбросят бомбы с отравляющими веществами на полярные льды.

В новом свете теперь предстают перед нами сообщения иностранных газет о прогулках военных деятелей фашистов в северные районы Норвежского побережья, об учебных плаваниях военных германских кораблей к мысу Нордкап. **Фашисты подготовляют себе базы для разбоя на наших северных морских путях.**

Еще и еще раз приходится радоваться мудрой прозорливости товарища Сталина, еще пять лет назад потребовавшего создания Северного военного флота.

Фашисты всегда непрочь, где это возможно, перейти от преступных мечтаний к реальным действительным преступлениям.

Только решительный, твердый отпор может сдержать, заставить отступить с позором профессиональных убийц.

Так, попытка «неумного соседа» прикоснуться к нашим священным границам у озера Хасан в июле—августе 1938 года стоила японским самураям свыше трех тысяч солдат убитыми и раненными.

Фашисты — каннибалы XX века—пытаются везде и всюду вредить Советскому Союзу.

В январе—феврале 1938 года все культурное и прогрессивное человечество с замиранием сердца, восхищаясь и тревожась, следило за беспримерной героической научной работой папанинской четверки на льдине «Северный полюс».

Когда дрейф подходил к концу и льдину вынесло в Гренландское море, казалось не было на земном шаре человека, который не стремился бы итти на помощь к отважным исследователям.

Советское правительство отправило несколько кораблей из северных портов и из Ленинграда к льдине Папанина.

Из Мурманска, одним из первых, вышел зверобойный бот «Мурманец».

На это судно для связи с Папаниным был назначен краснофлотец Северного военного флота старшина группы радистов т. Пышинский.

И вот что он рассказывает о своей работе [1]): «16 января в западной части Баренцова моря нас захватил шторм в 9-10 баллов. Связи не имели никакой: наблюдалась интерференция коротких волн. А 20 января впервые я услышал «Упол» — позывные Кренкеля. Мое сердце от радости так начало биться, что временами я терял прием. Ведь мы знали, что положение наших героев на льдине становится все более критическим.

Я дал себе слово: ни в каком случае не упускать больше рации «Северный полюс», держать двухстороннюю связь. Договорился с Кренкелем: он будет работать каждые шесть часов. Только дал я Кренкелю квитанцию о приеме, вдруг слышу: скрипит чья-то искровка.

Что такое? Принял иностранный текст. Определил по позывным: немецкие тральщики. Корабли как будто и не военные, рыболовные, но станция сильная, работает полной мощностью. Пять лет плаваю в северных морях — таких радиостанций на коммерческих судах не слышал.

Подошел новый срок передачи Кренкеля и опять у меня в наушниках словно зубами скрежещут фашисты. Немцы своими радиостанциями нарочно забивают эфир, чтобы оборвать связь папанинцев с нашими кораблями. А льдина «Северный полюс» тем временем может быть дробится в мелкие куски.

Ну, тут я как-то сразу всю свою жизнь вспомнил. Детдом в Кронштадте, школа и работа там же, в городе-крепости.

Призыв в 1932 году, служба в Балтфлоте, поход на Север на том же корабле, на котором и сейчас служу уже пять лет беспрерывно.

Вспомнил, что сам великий Сталин напутствовал наш отряд перед началом плавания в северных морях, перед началом службы по охране северных наших границ...

И чтобы я отдал фашистам наши советские радиограммы! Позволил бы кровавым псам агрессии помешать огромной, мирового значения, научной работе папанинцев — ни за что!

Фашисты подслушали расписание передач Кренкеля и творят свое гнусное дело именно в эти часы.

---

[1]) Записано автором со слов т. Пышинского в г. Полярное, в августе, 1938 г.

Значит я буду слушать круглые сутки, не выходя из радиорубки. Так и сделал. Еду мне приносили и я даже спал в радиорубке с наушниками. Слух у радистов особо тренированный: даже слабый писк в резонаторах нас уже будит, заставляет прислушиваться. Все сообщения со льдины папанинцев были приняты своевременно и полностью.

Я связался с ледокольными пароходами «Таймыр» и «Мурман», шедшими также в Гренландское море, и держал с ними связь до благополучного окончания всей экспедиции.

Я счастлив и горд, — заканчивает орденоносец-радист Пышинский, — что мне хоть пока только в эфире пришлось схватиться с фашистами и доказать, что советские радисты сумеют во всякой обстановке выполнить боевое задание партии и правительства».

Фашисты бродят вдоль северных окраин Советского Союза.

Нет сомнения, что хибинские апатиты, мончегорские алюминий и никель, мурманская сельдь и баренцовская треска притягивают к себе фашистских агрессоров.

Бойцы Северного военного флота знают это и с еще большим энтузиазмом, с еще большей настойчивостью совершенствуются в изучении всех видов военно-морского оружия.

ГОРОД ПОЛЯРНОЕ

Граниты и гнейсы, покрытые мхом и лишаями.

Прямых линий нет. Только овалы, полукруги, эллипсы. Жидкая лава застывала здесь наплывами, пузырями много тысячелетий назад. Людская нога не ступала еще в этих диких местах. Окрестное эхо никогда не будил стук кирки и мотыги.

Почтенный и заслуженный профессор-геолог бережно откалывает молоточком образчик породы, осматривает его любовно, прежде чем приготовить в походной лаборатории сплавленную пробу.

Уголек проходит жгучие испытания в серии пробирок с кислотами. Анализ окончен: порода исключительной крепости, обыкновенным буром ее не возьмешь. Необходимы специальные, непременно заграничные, высшей закалки сверла.

Краснофлотцы провожают ученого вежливо, но решают обойтись и без заграничных сверл. Выписать сверла из-за границы проще простого, но сколько времени пойдет на такую

затею. А сколько золота придется отдать? База для военного флота должна быть выстроена именно здесь, — так сказал товарищ Сталин.

И в кратчайший срок — этого требует обстановка, постоянное наличие буржуазного окружения.

Судовые механики выносят на берег точильные камни, бруски. Краснофлотцы становятся бурильщиками, между бригадами заключаются договоры на соцсоревнование. Камни упорно сопротивляются, вместо глубоких круглых отверстий, скала дает возможность только откалывать ничтожные куски с поверхности.

Приходится хитрить с породой, итти вперед короткими осторожными усилиями.

У краснофлотцев есть могучий союзник—аммонал. Подрывные патроны закладываются, едва только удается просверлить достаточное отверстие.

Взрыв.

Краснофлотцы поднимаются из-за прикрытий, оглядывают результат: немного.

Но первый шаг сделан, путь для наступления на твердыни изверженных пород найден.

Значит теперь надо только усилить темпы наступления. И на место одного подрывника становятся десять.

Грохочут раскатистыми взрывами аммонал и динамит. Быстро смолкает удивленное эхо... и снова краснофлотцы идут на приступ. Солнце как будто тоже удивлено необычайной настойчивостью людей: солнце двадцать четыре часа подряд не уходит с неба.

Камень отступает от берегов. В полушария скал врезаются прямоугольники площадок, ровные полосы будущих улиц.

На расчищенных местах тотчас же закладываются здания.

Вся база возводится по заранее обдуманному плану, поэтому можно строить одновременно и клуб, и ясли, хотя нет еще жилых домов и детского смеха не слышно пока на развороченных скалах.

Взрыв, расчистка, нивелировка поверхности, закладка фундамента — такова последовательность работ. Город растет, выдвигаясь ровными, правильными уступами вверх и в стороны, расцвечиваясь орнаментами по фасадам домов, расширяя каналы улиц в озера зеленеющих площадок.

Те, кто создает этот город, ютятся пока в наспех сколоченных бараках, в палатках. Жилье часто переходит с места на место в зависимости от общего хода работ. Канонада взрывов, чечетка щебня, обрушивающегося на дерево стен, железо крыш входят в обиход нового поселка ежедневным, многократным развлечением.

Тогда создается особая партия, на обязанности которой лежит защита уже построенного от последствий новых взрывов.

Сколачиваются щиты для уже существующих и для будущих построек. Проводятся трещировочные учения. Теперь перед каждым взрывом город одевается в прочный футляр. Внутри домов штукатурят стены, красят потолки, ведут водопроводные трубы; рядом аммоналом взрывают скалы.

Дома выстраиваются вдоль прямых линий улиц быстро и точно, как буквы на наборной линейке в руках опытного наборщика.

Уже сверкает чистыми стеклами балкон общегородских яслей. Закончены облицовкой колонны Дома Красного Флота. Многократно проверена подача воды в квартиры, установлены телефоны.

В каменных складах порта, словно на парад, выстроилась мебель — буфеты, письменные столы, шкафы, целые связки разнообразных стульев.

«Город готов!» — передали по радио в Мурманск, где временно жили семьи командиров, политработников и бойцов Северного военного флота.

— Город готов! — повторил про себя вахтенный радист и усмехнулся: уж очень необычная фраза.

В канун Октябрьских торжеств тысяча девятьсот тридцать четвертого года в гавань новой базы пришли пароходы, буксиры, катера.

Ворохами разноцветных сундуков, укладок, баулов были загружены их палубы. Ярко пестрели женские береты и вязаные шапочки детей.

В этот день в Полярном можно было видеть совершенно исключительное зрелище: заселение одновременно, сразу целого города.

7 ноября 1934 года в ДКФ Полярного на торжественном заседании произошло и знакомство между собой всех вновь приехавших. База Северного военного флота начала жить большой, дружной семьей.

Но дома и учреждения, дороги и скверы продолжали украшаться, благоустраиваться.

* * *

Во впадине между скал, защищенной от северных ветров, расположилась застекленная коробочка парника-оранжереи.

Ею командует молодой агроном с лучистыми серыми глазами.

Лук, брюква, капуста растут здесь рядом с нарядными примулами и розами. В оранжерее ведутся опыты, которые впоследствии, уже в расширенном, коммерческом виде переносятся на огороды различных соединений флота.

База флота постоянно имеет свежие огурцы, кабачки, редис.

Агроном показывает свое изобретение: на крыше оранжереи весенними днями тает снег, скапливается вода, по трубочкам она идет внутрь помещения, где частично испаряется и создает влажную атмосферу, частично же служит непосредственно для орошения растений.

Агроном суетится, с гордостью настоящего хозяина приподымает венчики цветов, расправляет листья рассады.

* * *

Прочно упираясь в скалы широкими своими плечами, стоит трехэтажное каменное здание.

В центре лицевого фасада под треугольником чуть приподнятой крыши выложено цветным кирпичом:

1938 г.

ШКОЛА

Ровно шестьдесят дней назад на месте этой школы была только серая, как толченый графит, площадка, еще не остывшая от укусов динамита.

Приближался учебный год в тихом шелесте отрываемых листков календаря. Ребята-школьники уныло поглядывали на стадо «барашков», бежавших по заливу, взбудораженному осенними шквалами. Хмурились, поднимая глаза к низкому, грязными облаками запятнанному, небу. Скоро придется опять уезжать из родного дома, жить где-то в людях, с трудом на выходные дни попадать домой. Грустновато.

Но взрослые думали о школе не меньше, чем школьники, хотя и таили мысли эти про себя.

И вот ранним серебким, дождливым утром вышли на работу строители: командиры, краснофлотцы, жены командиров и краснофлотцев. Вышли все. Работали двадцать четыре часа в сутки, без излишне точного соблюдения смен.

Школа была открыта и начала работать в девять часов утра первого общесоюзного дня учебного года.

И когда теперь житель Полярного говорит «наша школа», эти слова звучат, как «мои дети».

А дети считают школу просто своей домашней детской комнатой.

* * *

Веселой раскраски, свежие, будто леденцы только что высыпанные из жестянки, взбежали на гору — друг на друга похожие — дома и домики.

Широкие асфальтированные дороги ведут от пристани вверх.

У причалов, где стоят корабли, высится многоэтажное здание с античным портиком и колоннами.

Солнце водопадами вливается в широкие зеркальные окна. От главного входа двумя разветвлениями спускается вниз лестница, уставленная кадками с живыми цветами.

Круглые матовые шары фонарей, точно бусы на шее красавицы, окаймляют здание и подходы к нему...

Что это — первоклассная гостиница или новый музей?

Нет, это просто жилое помещение для краснофлотцев.

Сколько тупого ужаса было заключено в понятии: матросская казарма. Темный ящик с клопами. Неистребимые запахи щей, печеного хлеба, никогда не проветриваемых помещений.

Даже термин был такой в старое время: «Пахнет казармой»...

Но в этом дворце на берегу Кольского залива живут не царские матросы, а свободные советские краснофлотцы. И если,

проходя мимо их здания, вы услышите из нижнего этажа, где помещается ленинский уголок, отрывок песни:

«Живем мы весело сегодня, а завтра — будет веселей» — то это лишь подтверждение действительности.

* * *

С моря город Полярное ближе всего напоминает новый, только что отстроенный курорт на побережье Черного моря. Чистые, красивые здания, прямые дороги. И главная магистраль, ведущая к школе, кажется нарочно приспособленной для катания ребят на санках зимой.

Сейчас по этой дороге плавно спускаются велосипедисты.

Дорога упирается в мост, идущий по южной стенке полярного стадиона, самого оригинального стадиона в мире.

Здесь горным ущельем протекал ручей. Его отвели в сторону. Ущелье расширили взрывами, шершавые колючие стенки его обтесали, установили с бортов трибуны для зрителей, по насыпному грунту вырастили зеленый газон.

В день первого пятилетия Северного военного флота 18 мая 1938 года на этом стадионе состоялась товарищеская встреча футболистов различных соединений.

Когда собирались на матч, многие из краснофлотцев, любовно проводя рукой по серой гранитной стене, говорили: «Стеночка-то. Водонепроницаемая и снарядами не пробиваемая». Говорили с любовью, довольно улыбаясь. Это была улыбка удачливого хозяина: весь стадион сделан руками самих краснофлотцев в свободное от работ и занятий время. Зимой для катка природа предоставляет плоское, как тарелка, горное озеро. Это озеро нашли и приспособили для спорта тоже сами краснофлотцы.

* * *

„И флаги вьются на ветру,
И песня с губ летит,
И наших боевых подруг
Веселый смех звенит".

О женах, о своих боевых подругах вспоминают в песнях бойцы Северного военного флота не только для рифмы. Жены тоже рука об руку с мужьями работают над улучшением быта в военно-морской базе.

Детский очаг, ясли, детские площадки, буфет в школе, надзор за жилищными условиями детей — все это обслуживается в порядке общественной нагрузки женами командиров и краснофлотцев.

В открытой и единственной столовой Полярного кормят вкусно и дешево.

Заведует столовой жена командира, часть которого расположена вне базы.

— Муж постоянно зовет к себе, требует, чтобы я бросила работу, но как же бросить? Я ведь и поседела здесь — задумчиво перебирает заведующая серебро висков!

Подходит молодая женщина, ставит на стол тарелку с жареной рыбой и продолжает мысль заведующей:

— Посмотрите на наш город. Разве можно уехать от такой красоты?

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ РЕЙС

Командир судна особого назначения «Кола» возвращался из штаба в очень подавленном состоянии.

Приходилось все делать—рассуждал про себя командир—кирпичи возил, бревна ловил, служил отопителем, опреснителем и даже вдохновителем ремонта мелких судов. Нес брандвахтенную службу. Стреляли по мне торпедами подводные лодки: служил для них мишенью... Но такого поручения... и чтобы предохранить от болезни... — командир пожал плечами, вздохнул и медленно вошел по сходне на корабль.

— Доктора ко мне, — распорядился командир, спускаясь в кают-компанию.

Доктора на «Коле», вообще говоря, не было. Обязанности хранителя здоровья личного состава исполнял молодой лекарский помощник, только что в этом году окончивший школу. Невысокий жизнерадостный блондин, весельчак и первый активист корабельной самодеятельности, лекпом «Колы» редко долго задумывался даже над самыми каверзными вопросами. Он считал, что их надо решать одним ударом и, говоря по правде, редко ошибался.

Поэтому, когда командир спросил в упор:

— Морскую болезнь знаете? Лекпом перечислил наставительным тоном:

— Не обращать внимания, побольше есть, затянуть ремнем живот... вообще держать себя в руках.

— А если рук нет?—спросил неожиданно командир.

— То есть почему же нет?—изумился хранитель здоровья,—должны быть руки . . .

Командир, не слушая, продолжал:

— Стянуть ремнем живот. . . а где стянуть?

— На пояснице. . .—шопотом подсказал лекпом, начиная подозревать, что командир переутомился и говорит что-то совсем несвязное. — Да вы не волнуйтесь, Александр Петрович. . .

— Я и не волнуюсь. Но если поясницы тоже нет! Вы понимаете?—прогремел командир «Колы».

Лекпом покорно кивнул головой в знак согласия, хотя ровно ничего не понимал.

— Вы не волнуй . . .

— Никто и не волнуется, — перебил командир,—отчего эта болезнь происходит, расскажите толком.

Лекпом рассказал быстро и подробно о среднем ухе, о внутреннем ухе, заведующем равновесием тела, о том, что качка выводит человека из равновесия и последствием этого бывают общеизвестные симптомы морской болезни. Командир слушал внимательно, изредка покачивал головой, наконец, поинтересовался:

— А где это самое ухо?

— Среднее?—уточнил вопрос лекпом.

— Да.

— Внутри организма. . . Всего у человека, так сказать, семь ушей. По три, если считать с отделениями с каждой стороны головы, и одно—внутри организма.

— Спасибо доктор. . . мне начинает казаться, что у меня пара ушей, но зато очень длинных.

Командир ушел в каюту и немедленно вызвал к себе штурмана.

О чем они говорили там—неизвестно, но штурман вышел от командира очень серьезным и тотчас же вцепился в телефонную трубку:

— Алло! Морская? Дайте мне погоду. Алло! Погода? Дайте мне прогноз на ближайшие шесть часов. . . Да!. . говорит «Кола»! Не готова сводка? Так. Тогда давайте мне метеоданные каждый час. Мне важно знать, не будет ли качки. Что? Кто говорит? Штурман «Колы». . . Ах, это вы, Нина! Здравствуйте. Нет, я качки не боюсь. Вот молоко, знаете, дети. Алло! Что? Нет не мои дети. Что? Я обманывал вас? Ниночка, — жалобно пролепетал штурман и вскочил: на пороге каюты стоял ко-

мандир и, судя по лицу его, отнюдь не в хорошем состоянии духа.

— Перестаньте болтать глупости, — громко и резко начал было командир, но сдержался, понизил голос,— ступайте сами на метеостанцию, объясните вашей знакомой в чем дело. Скажите, что дети не у вас, а у меня, у всех нас. Понятно? Идите.

Штурман пробкой вылетел на верхнюю палубу и через пару секунд уже очутился на пристани.

* * *

Коровы, испуганно упираясь всеми четырьмя ногами, подходили к широким, специально для них устроенным, сходням с боковыми стенками.

Животные долго жалобно мычали, водили головами из стороны в сторону и лишь после того, как им начали крутить хвосты, стремглав бросались вперед.

Стоило больших трудов не дать им поскользнуться на гладкой палубе, завести в стойла, за ночь сооруженные на «Коле», в носу и в корме.

Краснофлотцы заботливо подтыкали коровам сено, предлагали им пить, но страх перед необычной обстановкой был слишком велик и болезненное протяжное мычание все чаще прерывало разговор людей, заглушало командные слова.

Штурман поминутно бегал из радиорубки на мостик с белыми мягкими бланками радиограмм. Он хорошо объяснил из метеостанции, о чем беспокоится весь личный состав «Колы», и, повидимому, эта тревога передалась постам наблюдения и связи по всему побережью Белого моря. Посты доносили, перебивая друг друга, о волне и о ветре, об общем состоянии погоды, о картине неба, о возможных переменах.

Даже шедший далеко в Баренцовом море гидрографический пароход включился в общую заботу о коровах и деловито сообщал:

— «Норд-ост четыре балла, волна три балла, коровам не советую».

Командир «Колы», сморщившись, передал бланк старпому, сказал убитым голосом:

— Он не советует. . . коровам. А мне?

— Сорок человек, восемь лошадей—невпопад ответил старпом, подсчитывая в уме, какой груз в тоннах представляют собой коровы.

Флот, боевой флот, занят был в этот день, казалось бы, совсем неподобающим ему делом.

В кают-компаниях, в кубриках, на палубах судов всех типов на разные лады обсуждался вопрос о перевозке морем коров.

Страдают ли они морской болезнью? Если страдают, то влияет ли эта болезнь на качество их молока. Если влияет, то как: временно или навсегда? Если временно то... и так далее. Северный военный флот беспокоился. Потому что «Кола» доставляла из Архангельска в новую базу флота — Полярное — тридцать восемь великолепных холмогорских коров.

Они должны были обслуживать ребят бойцов Северного военного флота. Следовательно, коровы являлись одной из деталей великого плана военной заполярной стройки.

А североморцы никогда не упускают ни одной детали.

Сейчас в Полярном на ферме имеется уже сорок великолепных, полностью омороженных коров.

Полярное ежедневно получает свежее, хорошее молоко...

. . . . . .

Историческая правдивость требует добавить, что коров повезли морем только до Кандалакши. Дальше их доставили в Мурманск по железной дороге. А командир «Колы» теперь уже вообще ничему не удивляется.

— Вы знаете, мне пришлось однажды у коров искать среднее ухо. Ничего знаете, нашел, — говорит в веселую минуту этот ветеран Северного флота.

БОЙ С АРКТИКОЙ

На фоне зимнего вечера ярко освещенный ступенчатый город казался одним великолепным зданием.

Одинаковой высоты горы, идущие к морю по обоим берегам Екатерининской бухты, служили как бы архитектурным продолжением здания.

У пристани стояли тепло одетые люди.

Каждый из них знал свое неотъемлемое право сказать, сделать то, что требовали его ум и сердце.

Поэтому никто не торопился, не волновался, и были сдержанны короткие, но многозначащие фразы говоривших, до предела насыщены чувством, почти незаметные жесты.

Здесь провожали боевой корабль в ответственный, исключительный поход.

Подводная лодка в Баренцовом море.

Все мужчины были моряками или сыновьями моряков, среди женщин были только жены, невесты и дочери моряков.

Они знали, что февраль — совсем неподходящий период для туристской прогулки в полярных морях, больше того, они знали, что уходящих ждет шторм, ревущий уже сейчас в просторах Арктики.

В этот день — весь в мелочных заботах о том, чтобы уходящие не забыли чего-либо необходимого или полезного в дороге, — провожающие по нескольку раз запрашивали метеостанцию о погоде.

И вслушивались в понятные не сразу, заключенные в оболочку специальных терминов сообщения метеорологов, как мать слушает диагноз врача у постели своего больного ребенка.

В момент проводов советских боевых кораблей, над миром, как всегда, преодолевая пространства, фашистскую ненависть и буржуазную собственническую тупость, в одном дыхании слились три разновеликих коллектива.

Самый маленький—экипаж подводной лодки, готовой к отплытию, второй—коллектив жителей Полярного, третий—стасемидесятимиллионный несокрушимый массив граждан Союза Советских Социалистических Республик. Уходившие знали, что за каждым их движением заботливо будет следить вся Советская страна. Знали, что рабочие у станков, колхозники на полях, красноармейцы и краснофлотцы всех гарнизонов и всех морей, советские писатели, художники и актеры—все, все без исключения готовы в любой момент притти им на помощь.

И еще—это хранят глубоко в сердце, как самое любимое и заветное, не высказываемое даже близким—каждый краснофлотец и командир подводной лодки знает, что за ними по-отечески мудро и спокойно следит великий вождь товарищ Сталин.

Было так и в этот раз.

Приказание командира корабля: «По местам стоять, со швартов сниматься». Отдали швартовы, рулевой привычно взялся за штурвал, дрогнули моторы, глотнув сжатого воздуха из пусковых баллонов. Подводная лодка вышла в поход.

За кормой уходит, вдавливается, уменьшается, будто на кино-экране, город Полярное.

Береговые громады кажутся теперь выше и грознее. Снег покрывает их не сплошь—у самой воды чернеют гладкие, как лезвие ножа, скалистые обрывы.

Под винтами лодки, фейерверками пузырьков освобожденного воздуха, взметается на поверхность широкая белая полоса.

У форштевня—седыми дрожащими усами—надвое разделилась вода.

Вот берега отодвинулись, почти не видно их — корабль вышел в Кольский залив.

Вахта на рубке подводной лодки чувствует себя так, словно идет ночью по собственной квартире, где известен каждый выступ мебели и, совершенно точно помнится, какая половица должна скрипнуть под ногой.

А внутри подводного корабля — яркий свет, ровная теплота жилого помещения, блеск приборов и механизмов, стуки и шумы давно и хорошо налаженной мастерской.

Знакомо все до мельчайших винтиков. Изучено ночью и днем, по чертежам и на ощупь с закрытыми глазами. У каждого моряка — свое, точно определенное место, свои определенные обязанности.

* * *

Шторм ударил прямо в лоб точно в момент поворота из Кольского залива на запад, в Баренцово море.

«6 час. 20 мин. вышли из Кольского залива. Встречный ветер 6 баллов» — записал в своем дневнике командир лодки. «Взяли курс на Нордкап».

Похоже, что впереди корабля, где-то совсем близко, идет огромный плуг, взрывающий упругий, как резина, необыкновенной величины пласт целины.

В этот пласт с настойчивостью пневматического сверла врезается корабль и буравит волну на самом ее гребне. Тогда волна уходит под корабль, приподнимает его корму и заставляет кланяться подходящей следующей волне.

И так до бесконечности...

Из-под крышки путевого компаса в узкой щели светлеет кусочек освещенной картушки. В щели видна цифра. Этой цифре нельзя позволить спрятаться.

Это по существу первая и главная обязанность рулевого. Но есть другая: рулевой держит в своих руках весь боевой корабль. Стальное, весом в несколько сотен тонн, боевое судно повинуется простому нажиму руки на штурвал. Штурвал передает этот нажим рулям, рули поворачивают корабль.

А лицом к лицу с рулевым стоит море. Зимнее, полярное море. Оно тоже пытается управлять кораблем по-своему. Море все время стремится повернуть корабль боком к волне, лагом.

Тогда волны перестанут уходить под днище лодки и могут накрыть корабль.

Вот поэтому рулевой должен иметь зоркий взгляд и твердые руки. Вот поэтому уже через час, полтора часа несения штормовой вахты, рулевому начинает казаться, что он перетащил на себе не один десяток мешков муки.

Люки открыты на подводной лодке, потому что она идет в надводном положении и работают дизель-моторы. Только в надводном положении можно пользоваться дизель-моторами: из наглухо закрытого помещения дизеля быстро высосут весь воздух, а отработанные газы моторов отравят людей. Под водой надо пускать электромоторы, работающие от аккумуляторов. Зарядку же их следует экономить: кораблю еще долгий путь предстоит и многое может случиться впереди.

Все это очень хорошо знает рулевой. Пальцы рулевого впиваются в металл штурвального колеса.

Рулевой знает, что он не один — рядом с ним на рубке стоит вахтенный командир, чуть позади боцман. Эти двое в случае необходимости помогут рулевому.

Но все-таки наверху только три человека.

Весь остальной экипаж подводной лодки—внутри. Идет собрание. Сидя, стоя, лежа, держась за поручни и выступы, тесно сгрудившись, слушают краснофлотцы доклад командира о целях похода. Лодка равномерно качается взад и вперед, клюет носом, и от этого слушателям кажется, что и голос командира то повышается, то понижается.

Цель похода очень проста: выйти далеко в море, на много сотен миль от мурманских берегов и быть репетичным кораблем для других кораблей, находящихся еще дальше от берега. Надо репетовать, повторять все радиограммы этих кораблей так, чтобы их услышал берег. И то же самое в другую сторону: услышав какое-либо приказание с берега, доброситъ его до отдаленных кораблей.

Сами отдаленные корабли не могут говорить с Мурманском: радиопередаче мешают особые атмосферные условия полярных морей.

Задание исключительно ответственное — это чувствует каждый. Задание не только всесоюзного, но и мирового значения по своим научным результатам.

Шторм усиливается. Размахи качки становятся чувствительнее.

Собрание окончено и краснофлотцы расходятся по своим обычным делам. Кое-кто наведывается в камбуз. Кок Чистяков просит не мешать ему — он готовит обед из трех блюд. Суп будет с пирожками, сами понимаете!

* * *

Чуть ли не в каждом морском рассказе, где фигурирует подводная лодка, она совершенно обязательно «ложится на грунт».

Сделалось даже привычным для многих неспециалистов считать, что грунт — дно моря — всегдашнее прибежище подводного корабля чуть только засвежеет погода.

Скрываясь от противника, от бури, даже просто для того, чтобы спокойно переспать ночь, подводная лодка якобы идет на дно и прекрасно там устраивается.

Вообще говоря, в неглубоких морях и заливах можно, конечно, лечь на грунт, как в постель, хотя и рискуя при этом различными неприятными неожиданностями.

Ведь никто же не ложится на койку, предварительно ее не приготовив. А дно моря пригладить некому и нечем, кроме как собственной своей спиной.

Можно угодить на острую скалу, еще хуже—влипнуть в жидкий, засасывающий ил. И прежде всего для такого погружения необходимо знать точно свое место и глубину моря в этом месте. Подводный корабль рассчитан на определенное давление морской воды, глубже определенного числа метров он не может погрузиться. Иначе его сдавит водою и, не дойдя до грунта, задушенная подводная лодка будет веками плавать где-то под поверхностью.

Особые условия полярных морей и требуют от подводников исключительной выдержки, исключительного умения, знания своего корабля.

Если при погружении лодки недостаточно умело управились с баластными систернами и с вертикальными рулями, судно попадает в аварийное положение.

А погружаться в свежую погоду, на волне, без твердой уверенности в том, что «если упадешь, то не глубоко»— нельзя.

В этих особых условиях должно быть и кроется объяснение того факта, что куда бы за параллелью Нордкапа ни при-

шли советские подводные лодки, они везде оказываются первыми в истории. Для того, чтобы плавать в Арктике на подводных кораблях, надо быть советскими подводниками.

Остров Ян-Майен замечателен только тем, что под самым берегом у него глубины свыше четырехсот метров. Что и говорить—приятное местечко!

Погода сделалась устойчивой в том смысле, что шторм установился на много дней подряд, а ветер с каждым часом крепчал.

За Нордкапом с рубки подводной лодки уже ничего нельзя было разглядеть по горизонту. Свинцовая серая мгла накрыла водные просторы.

И начались снежные «заряды». Это тоже одна из особенностей Баренцова моря и далеко не из лучших. Из низко над морем летящих туч, с однообразной настойчивостью часового механизма, бьют в лицо кораблю снежные заряды.

Снег плотен и вязок, его удары ощущаются подобно ударам комьями мокрой глины. Снежный заряд пытается снести в море все и всех находящихся на верхней палубе судна. Он лишает возможности смотреть вперед; дышать удается, только уткнувшись носом в воротник шинели, втягивая воздух через нос. Снежные заряды, словно сбрасываемые с какого-то чудовищного конвейера шторма, идут периодически, почти через равные промежутки времени. Верхняя палуба, борта судна, мачта, поручни—все это покрывается липкой, быстро твердеющей снежной массой.

На четвертый день похода крен лодки на качке достигает 25 градусов. Ветер усиливается. Корабли и подводная лодка за ними, словно буек на конце буксира, идут дальше и дальше в Гренландское море. Вокруг лодки, будто обезумевшие горы, мечутся океанские волны. Их удары становятся все более резкими, все более сильными. Иногда волна накрывает лодку от носа до кормы; и рулевому, стоящему на рубке, кажется, что он уже находится в подводном плавании. Обледеневают канатики радиоантенны. Слой льда на палубе достигает толщины ста миллиметров.

Появился новый вид судовых работ — скалывание льда с палубы. Этим занимается посменно весь личный состав, не исключая и командиров.

Но может быть подводная лодка потеряла в этих условиях свои качества боевого корабля? Ведь качка временами достигает сорока градусов на борт!

В дневнике командира лодки находим краткую запись:

«При снежной пурге производили пробное погружение. Все механизмы работают отлично. Настроение команды — отличное».

Подводная лодка продолжает итти по назначению. Нет, она нисколько не потеряла боевых своих качеств. Она в любой момент может погрузиться и произвести торпедную атаку.

Команда обсуждает тассовские известия, выпускает стенгазету и не слишком бахвалится тем, что до нее в этом районе Арктики не была еще ни одна подводная лодка.

А шторм все усиливается. Крен достигает уже пятидесяти градусов. И опять со злобной стремительностью несутся по ветру снеговые заряды. Все чаще и чаще мостик накрывает водой—тогда не видно даже топового, на самой вершине мачты, огня. Тогда — нечем дышать. Вода через люки врывается внутрь помещения. Выливается электролит из аккумуляторов, выходят из строя батареи. Воду откачивают помпами, ведрами. Вода вливается опять и опять. Подводная лодка продолжает итти час, десять часов, сутки, вторые, третьи... А люди?

На руле стоит краснофлотец. Рядом с ним, немного позади, боцман. Рулевой непрерывно смотрит в компас—рулевой должен во что бы то ни стало держать судно на заданном курсе.

Нечеловеческой силой волны, той самой, что уже сорвала железный трап, наглухо приделанный к стальному борту лодки, сорван спасательный круг с подвесов.

Круг сделан из грубой парусины и набит пробкой. Круг был много раз крашен масляной краской, огрубел и стал тверже дуба.

Этим кругом волна бьет рулевого по голове. Рулевой, не поворачиваясь (нельзя потерять курс ни на одно мгновенье!), спрашивает боцмана:

— Чем меня ударило?

— Спасательным кругом, — отвечает боцман.

Вот и все. Рулевой продолжает нести свои обязанности до смены с вахты. И только потом, спустившись во внутренние помещения, он засыпает долгим сном, восстанавливающим силы.

А шторм все усиливается. Шторм переходит в ураган— сила ветра 12 баллов.

Пришлось закрыть все верхние люки, кроме одного, оставленного для того, чтобы получать сверху хоть немного воздуха для дизелей.

В дневнике комиссара лодки под этой же датой и в то же примерно время отмечено: «Проведено комсомольское собрание... Намечена очередная тема политзанятий — по истории народов СССР. Кормовой отсек залит водой»...

Судовые механики, как известно, люди точной «механической» науки. Они любят краткость и точность выражений. Их мало интересует состояние погоды, дальность видимого горизонта, красоты природы. Механики стоят у механизмов. Ну, конечно, пока сами эти механизмы тоже стоят на месте.

Перелистывая сухие, сжатые дневники командиров механической службы, мы наталкиваемся, однако, на некоторые детали этого похода, опрокидывающие—в прямом и переносном смысле—все общепринятые понятия о механизмах и механиках.

В практике кораблестроения и в обиходе механической службы корабля существует особый вид теоретического чертежа, называемый диаграммой Рида.

На этой диаграмме изображена дуга более или менее приплюснутая. Нечто вроде четвертинки большой груши, уложенной на гладкий стол.

Из-за невнимания к этой вот «груше» погибло много сотен, много тысяч кораблей торговых и военных.

Диаграмма Рида рассчитывается и вычерчивается по данным водоизмещения корабля и особенностей его постройки. К вершине «груши» сходятся показатели угла крена и восстанавливающего момента, дальше которого крениться нельзя. Корабль неминуемо должен опрокинуться.

Неминуемо! Иначе земля не вертится и яблоки с дерева не падают на землю, а летят в небо, иначе может гореть и опрокинутая керосиновая лампа.

Впрочем из истории большевизма известны поразительные случаи, когда вещи и люди действуют как будто вопреки всем физическим законам.

Огромный вал. Лодка накренилась больше всяких норм. Вылился электролит и замкнул батарею. Погас свет.

Гибель?!

Но люди, занятые на вахте, продолжали оставаться на своих местах. И безукоризненно выверенные моторы работали. Лежа

почти на боку, все люди продолжали оставаться на своих местах, с акробатической ловкостью обслуживая вверенные им механизмы.

Именно эта героическая, подлинно сталинская работа краснофлотцев и была причиной, выведшей корабль из опасного положения.

Диаграмма Рида так же, как и многие другие старые технические нормы, очевидно, не непогрешима. Очевидно при обслуживании механизмов советскими гражданами — краснофлотцами—можно давать подводной лодке и значительно больший крен, чем это до сих пор считалось.

С другой стороны — кто знает, как придется крениться в боевых условиях?

Одним словом—с креном справимся. А вот для того, чтобы знать, какой крен удалось победить, давайте точный креномметр!

Исключительная выдержка в исключительно тяжелых условиях—вот основная черта поведения североморцев.

О храбрости вообще говорилось очень много. Храбрость только там, где человек сознает опасность и сознательно заставляет себя преодолеть страх. Но и опасности бывают различного свойства.

Умереть в бою в лихой схватке с врагом — это одно. Смертельно рисковать жизнью в обстановке, где как-будто нет места для личной храбрости, где никак нельзя показать, как ты «рубаешь» противника, — это другое, совсем другое.

Высоко развитое чувство сознательности, четкое выполнение боевых заданий партии и правительства, преданность делу партии Ленина—Сталина — дали возможность североморцам-подводникам совершить на «отлично» не один десяток походов, похожих на описываемый здесь поход.

И только люди эпохи великого Сталина, эпохи строительства социализма, уже породившей сотни тысяч стахановцев, превысивших все бывшие до сих пор нормативы и рекорды, могут совершать такие переходы.

Через 12 суток подводная лодка закончила поход, придя в свою базу. Остановлены дизель-моторы. Экипаж — на верхней палубе корабля. И серое зимнее небо вдавливается от грома приветствий:

«Ура, товарищу Сталину!»

* * *

Эскадренный миноносец шел к северо-западу, резко переваливаясь с волны на волну.

Шторм давно затих, оставив после себя только медлительную крутую зыбь.

Волны, смятые на гребнях тяжестью плавающего льда, были сравнительно невысоки.

Для большого океанского парохода такая качка не представляла бы особых неприятностей.

Но эскадренный миноносец ощущал волнение каждым своим швом, каждой заклепкой.

Это чувствовали, конечно, и люди на мостике в ледяном дыхании ветра, в духоте узких кочегарок, в масляном чаду машинных отделений, у дежурной сигнальной пушки и в радиорубке.

Поход, зимний поход эскадренного миноносца в Баренцовом море, совершался как будто бы в очень мирных условиях. Во всяком случае, радиосводки ТАСС, ежедневно получаемые эсминцем и вывешиваемые в кубриках, не сообщали никаких тревожных сведений.

Боевой тревоги на эсминце не играли, но бой фактически начался с первого же дня похода. Противником краснофлотцев и эсминца был арктический мороз. Вскоре оказалось, что это противник хитрый, изворотливый и очень серьезный.

Первое нападение, как бы случайное, для пробы сил, было произведено морозом на звуковые средства связи — гудок и сирену. Мороз схватил их за горло и задушил.

Механизмы на верхней палубе, трубопроводы к ним также оказались под ударами арктического холода. Бой завязался на всем протяжении эсминца — от форштевня до кормы.

Нельзя было допустить, чтобы носовой шпиль обратился в замерзший пень, чтобы кормовая лебедка превратилась в груду холодного металла.

Здесь же в походе машинисты, работая день и ночь, произвели отепление паропроводов, а некоторые мелкие механизмы даже перенесли во внутренние помещения.

Кораблям типа эскадренных миноносцев никогда еще не приходилось в ходовых условиях сталкиваться с такими низкими температурами наружного воздуха. Поэтому и при постройке эсминцев никогда еще не учитывались полярные условия. Ма-

шинистам эсминцев Северного военного флота пришлось самим быть и конструкторами-изобретателями и мастеровыми.

Несколько суток длилась эта борьба современного боевого корабля с морозом и казалось арктические стихии готовы были отступить.

Но коварный враг напал на эсминец еще раз и совершенно неожиданно.

Ночью, на походе, внезапно, с оглушительным свистом начали травить пар предохранительные клапаны. Это значило прежде всего, что кочегары подняли в котлах давление свыше дозволенной нормы.

Эсминец Северного флота.

Бросились в кочегарку, чтобы выяснить виновников недосмотра, предотвратить аварию. Но в кочегарках все вахтенные кочегары стояли на местах. Исправно работали форсунки, подающие в котлы нефть, и контрольные приборы, по внешности, казались в полной исправности. Для того, чтобы создать хорошую тягу воздуха в топках, держались все время открытыми наружные из кочегарок люки. Кочегары работали тепло одетыми и, время от времени, поглядывая на манометры, видели что стрелки их не переходят за красную черту. Наоборот—значительно не доходят до нее. Значит можно спокойно форсировать котел. Когда давление будет достаточным, манометр предупредит об этом. Но в том-то и дело, что на этот раз манометры замерзли.

К манометрам подведены от котла сравнительно тонкие медные трубки, они расположены открыто на асбестовой обшивке котла, предохраняющей их от жара... Но от холода, прокрав-

шегося через открытые люки в кочегарки, эти трубки ничем защищены не были.

И когда прекратилась подача пара к манометрам, кочегарам уже не по чему было ориентироваться. Манометры вводили в заблуждение кочегаров, заставляли их все больше и больше давать топлива, усиливать горение в топках. Это могло окончиться взрывом котлов, если бы предохранительные клапаны не разоблачили во-время новую вылазку врага — мороза.

Машинисты должны были теперь пересмотреть и всю котельную арматуру, приспособить и ее к арктическим походам.

На все это, конечно, ушло много сил, энергии и времени. Но моряки-североморцы справились и с этими трудностями. Механизмам кораблей Северного военного флота не страшны теперь и морозы.

КОМСОМОЛЬСКАЯ СВЯЗЬ

Поздно ночью отказалась работать линия связи с одним из отдаленных постов.

Аппарат был исправен, однако, передача депеши оборвалась, последнее принятое слово—«немедленно»—казалось теперь жестокой и злой иронией.

Что немедленно?

После нескольких безрезультатных вызовов, после тщательного обследования аппарата, дежурный связист укоризненно посмотрел на циферблат измерительного прибора и сказал утомленно и безнадежно:

— Неисправность на линии, где-то короткое замыкание...

И, словно подчеркивая условность этого «где-то», ветер бросил в окно охапку сухого снега. Деревянный домик станции вздрогнул под напором осенней бури, пламя в жарко растопленной железной печке заколебалось, выгнулось в сторону открытой дверцы.

Когда дежурный командир вышел на крыльцо станции, напором ветра едва не свалило его с ног. Дышать можно было, только повернувшись спиной к ветру. Расположенные в нескольких десятках метров строения различных служб виднелись расплывчатыми мутными пятнами.

Куда же посылать людей в такую ночь?

По каменистым обрывам, в сплошном безлюдьи тянется линия связи к посту Н. Можно ли найти даже самую проволоку в слепой неизвестности осенней ночи?!

— Подождем до рассвета,—решил командир и вызвал к телефону старшину группы электриков краснофлотца Габова.

— Приготовьтесь с группой выйти на линию как только рассветет и немного стихнет. Короткое замыкание на проводе— командир назвал номер поста, связь с которым оборвалась, и повесил трубку.

Прошло ровно десять минут.

Стук в дверь и на пороге — три занесенных снегом фигуры. Они старательно, деловито охлопывают свою одежду, сбивая с нее снег. Вошедший первым невысокий, уверенно, чуть вразвалку ступающий, крепыш делает шаг вперед, рапортует:

— По вашему приказанию прибыли, товарищ командир!

Дежурный немного смущен:

— Не подождать ли рассвета? Чего доброго заблудитесь в такую погоду. Но Габов отвечает уверенно:

— Трассу знаем. Ходили много раз. Разрешите отправиться. Мы готовы.

И действительно, все трое—старшина Габов, краснофлотцы-электрики Денисов и Ясников—в привычном рабочем снаряжении. Сумки с инструментами, катушки, провода, полевой аварийный телефон, приборы для определения силы тока в цепи.

Командир морщится и с опаской смотрит в темное окно, которое снова дрожит от налетевшего шквала.

Баренцово море напоминает, что оно шутить не намерено...

Краснофлотец Ясников успокоительно произносит:

— Заблудиться не можем. Знаем каждый столбик.

И тогда третий, Денисов, до сих пор молчавший, добавляет слегка обиженным тоном:

— Мы ж все трое комсомольцы! Позвольте выйти на линию, товарищ командир.

Электрики уходят, коротко, по-военному попрощавшись, повернувшись на каблуках. Командир провожает связистов до крыльца, торопливо давая им последние наставления: быть осторожными, зря не рисковать, если дорога занесена—сразу же вернуться.

Ветер вбрасывает, вместе со снежной пылью, бодрый отзвук трех голосов:

— Есть!

Тихо в дежурной аппаратной. На круглой физиономии стенных часов настороженно топорщатся стрелки. И, словно поняв беспокойство людей, оставшихся на станции, часы как будто начинают выстукивать секунды особенно громко, торопливо.

Но время тянется мучительно долго, в памяти встает каменная злая пустыня, по которой идут сейчас, сгибаясь против ветра, трое комсомольцев — краснофлотцев Северного военного флота.

Им надо осмотреть буквально каждую точку на линии. И для осмотра придется взбираться на самую вершину каждого столба.

Они расположены часто над береговыми обрывами, у скалистых расщелин.

Дежурный порывисто берет телефонную трубку, долго и настойчиво расспрашивает метеостанцию о погоде. В его голосе явно слышится нетерпение, досада на метеорологов, которые не могут «сделать погоду хорошей».

— Ох, уж эти метео. Всегда какая-нибудь дрянь... — вздыхает дежурный, давая отбой.

И сразу же, очевидно для того, чтобы успокоить самого себя, дежурный командир начинает рассказывать.

Краснофлотец Габов пришел на флот четыре года назад, в 1934 году, малограмотным колхозником.

Габов—уроженец области Коми и плохо говорил по-русски.

С первых же шагов учебы Габову пришлось преодолевать еще и незнание языка, на котором написаны все учебники.

Но Габов победил все трудности. Из рядового специалиста он сделался мастером ответственного дела и остался на сверхсрочную службу старшиной.

Габов имеет уже свыше десятка поощрений, наград и благодарностей в приказе по части.

Каждое отличие заслужено исключительным, инициативным трудом.

Вот, например в 1937 году, зимой понадобилось перебросить из базы на линию, на много десятков километров к северу, особенно ценное оборудование.

Дорог в том гористом, сильно пересеченном районе вообще никаких не имеется. Очень большой снежный покров не позволял использовать здесь лошадей.

Тогда отделение старшины Габова собственными средствами построило нарту — деревянные низкие и узкие сани, на которых только и можно передвигаться по зимней тундре.

За несколько месяцев до того через Полярное проезжал Герой Советского Союза товарищ Папанин и подарил краснофлотцам ездовую собаку «Север».

Краснофлотцы у местных жителей в ближайшем поселке подобрали еще шесть крупных северных псов.

«Север» пошел вожаком, передовым.

Отважные комсомольцы, впервые в жизни начавшие борьбу с арктической природой, преодолели и холод, и пургу, и бездорожье с успехом, достойным прирожденных полярников. Груз был доставлен в сохранности и в рекордно-короткий срок.

Комсомольцы вернулись в базу радостными, бодрыми, окрепшими, как-будто они совершили великолепную спортивную прогулку.

В летнее время у связистов есть еще один верный надежный друг и помощник — катер, которым командует товарищ Бредихин.

Катер — суденышко утлое, к плаванию в океане мало приспособленное.

Но идя вдоль побережья, катер может втиснуться в каждую береговую щель, если понадобится оказать помощь личному составу какого-либо поста Службы наблюдения и связи.

Боцман Бредихин, выполняя задание командования, выходит в море, несмотря ни на какую погоду. Катер бьет волнами, швыряет, как футбольный мяч, но уверенно ведет свой кораблик товарищ Бредихин.

Катер боцмана Бредихина до сих пор не имеет ни одного невыполненного задания.

Зимой — на собаках, на лыжах; летом — на катере; в осеннюю распутицу — просто пешком отважно и спокойно работают комсомольцы — связисты Северного военного флота.

Звонок. Командир вдавил доотказа свое ухо в телефонную трубку.

— Благополучно? Нашли? Замечательно!

Дежурный телеграфист без приказания, только вглядевшись в мгновенно порозовевшее, расцветшее лицо командира, включил аппарат...

Дрогнула, заметалась синеватая стрелка прибора — указателя. Ток в цепи есть!

Мягко шурша, поползла на стол белая лента, испещренная знаками азбуки Морзе.

Комсомольцы исправили линию.

Телефонный разговор, однако, продолжался.

— Что? Как? — спрашивала станция.

— Забыли, товарищ командир, — отвечали комсомольцы из тундры.

— Что забыли? Габов! Что забыли?

— Заключить договор на соцсоревнование с соседним постом.

— Поздравляю, поздравляю, — ликовала станция, — задание выполнено на «отлично». Возвращайтесь поскорее. Вас ждет дома горячий завтрак и отдых. Возвращайтесь скорее.

* * *

После похода эсминец пришел в бухту и стал на якорь. В темном зимнем небе играли «сполохи» — северное сияние.

Бледные полосы, словно лучи огромных прожекторов, с кораблей, находящихся у Северного полюса, бежали по горизонту, заметно удлиняясь, меняя форму.

Полосы достигали зенита и, словно упершись в эту точку неба, начинали расплываться.

Теперь видны были причудливые рисунки — в полнеба величиной — рисунки эти все время двигались, переливались. Они принимали очертания грандиозных раковин с граненными стенками ангаров для дирижаблей, по объему равных земному шару. Иногда из центра этого электромагнитного поля спадали вниз огромные полотнища бледно-молочного света. Зрелище было исключительно красивым, особенно в сочетании с предельной чернотой гранитных скал, высившихся рядом с эсминцем.

Большинство команды высыпало на верхнюю палубу полюбоваться чудесным полярным явлением природы. Только командир эсминца, уже пять лет плававший в северных морях, больше смотрел на дверь радиорубки, чем на развеселившееся небо.

А когда дверь отворилась, уже по одному внешнему виду командира - связиста, шедшего из рубки к мостику, командир эсминца понял случившееся и с искренней досадой сказал вслух:

— Чорт бы побрал эту небесную гулянку, совсем не вовремя,—и повернулся к связисту,—связи нет? Разряды?

— Да, товарищ командир, очень сильные атмосферные разряды. Радиостанция не может работать. Телеграмма не передана. . . — доложил связист.

Будто услышав этот разговор, луч, первым пришедший с запада, начал втягиваться за горизонт. Казалось он высасывает

с неба всю световую муть. Луч, затухая, колебался еще несколько минут над точкою норда и, наконец, окончательно исчез. Сияние прекратилось. Но в наушниках радиста попрежнему был слышен только громкий треск небесного электричества, и срочная радиограмма командира эсминца не могла быть передана.

Небо стало теперь как-будто еще более темным.

— И самое обидное, что командир отряда должен находиться где-то совсем близко. Может быть по другую сторону этого же мыса,—задумчиво проговорил командир и позвал,— товарищ Клементьев!

С левого крыла мостика послышался ответ:

— Есть, товарищ командир. — Старшина Клементьев подошел к командиру эсминца.

— Как у вас прожекторы? — сухо начал командир и тотчас же сам себе ответил, — конечно в порядке. Так приготовьте их. Попробуем вызвать командира отряда прожекторным семафором.

Младший командир Клементьев Михаил Федорович до военной службы работал на лесопильных заводах Архангельска.

Окончив в Кронштадте школу рулевых и сигнальщиков, а затем старшинский класс, товарищ Клементьев быстро занял ведущее место по своей специальности. К 1938 году старшина Клементьев подготовил отличные кадры из молодого пополнения, комсомольцев, пришедших на флот четыре года назад.

В первую голову это рулевые и сигнальщики — краснофлотцы Нещерет и Андрей Морозов, отличники боевой и политической учебы.

Они плавают на одном эсминце вместе со старшиной Клементьевым. В 1938 году подразделение Клементьева снова заняло первое место на осенних состязаниях по специальности.

Вполне понятно теперь, что командир эсминца был уверен в Клементьеве и его учениках.

Им предстояло вступить в борьбу еще с одним арктическим врагом: атмосферными электрическими волнами, заставляющими смолкать радиостанции иногда на несколько часов подряд. И группа Клементьева победила надполюсное электромагнитное поле.

Хорошо отрегулированные угли прожекторных ламп, нагретые электрическим током до трех тысяч градусов тепла,

с ровным журчанием выбросили в небо плотные столбы света в несколько километров высотой.

С коротким отрывистым щелканьем — словно захлопывающиеся челюсти хищных зверей — открывались и закрывались решетчатые диафрагмы прожекторных фонарей.

Буквы азбуки Морзе, передаваемые Клементьевым прямо в небо, казались нарисованными мгновенными белыми мазками гигантской кисти.

Ответ последовал очень скоро. Сбоку из-за горного хребта появился новый луч и уверенно направился к первому. Вот они столкнулись и это было похоже на взаимное рукопожатие.

Командир отряда отвечал на вызов. В течение следующих пяти минут прожектором была передана и вся телеграмма.

Командир эсминца сообщил по начальству о своей работе и получил новое задание.

В заключение передачи командир стряда просемафорил:

— Кто работает на прожекторе вопрос точка... Командир эсминца ответил:

— Старшина Клементьев.

И тогда из-за молчаливых гор пришла в световом луче последняя фраза этого немого разговора:

— За блестящую работу по специальности объявляю старшине группы рулевых Михаилу Клементьеву от лица службы благодарность. Командир отряда точка.

ТЕХНИКА ДЫБОМ

Он был построен в 1910 году на Балтийском судостроительном заводе в Санкт-Петербурге.

Предназначался специально для экспедиционного плавания из Владивостока в Архангельск, Северным Морским Путем, через Северо-Восточный проход, то есть из Баренцова моря в море Восточно-Сибирское; проходом, открытым в июле 1879 года исследователем А. Норденшельдом, на корабле «Вега».

Новый русский пароход и совершил рейс, для которого он предназначался, в 1911 году, придя из Владивостока в устье реки Колымы.

Впоследствии этот пароход ежегодно работал вдоль нашего северного побережья, обслуживая зимовки и становища, являясь попеременно то грузовым, то гидрографическим судном.

Несколько лет назад, очень недавно, этот пароход вошел в состав гидрографического отряда Северного военного флота. А в начале тысяча девятьсот тридцать восьмого года этот пароход—гидрографический корабль «Таймыр»—получил мировую известность.

Под командой капитана 3 ранга Бориса Дмитриевича Барсукова корабль «Таймыр» первым подошел к дрейфующему лагерю Папанина и начал сворачивание научной станции «Северный полюс».

О походе «Таймыра» было написано достаточно много, фотографии знаменитого судна и его экипажа обошли страницы газет и журналов всего мира.

Участники этого похода уже награждены Правительством.

И «Таймыр» опять приступил к очередным своим гидрографическим работам в море Баренца.

Но есть детали героического плавания «Таймыра», освещающие с поразительной ясностью мужество моряков-северомореов.

И эти детали можно было установить только спустя восемь месяцев после великой папанинской эпопеи.

В конце августа 1938 года гидрографический корабль «Таймыр» стал на ремонт в док.

Док был совсем новенький, блестевший каждой мелочью оборудования, глянцевито-серый, снабженный механизмами и устройствами последних современных систем.

В доке заработали насосы, забегали по стенкам дока рабочие во главе с докмейстером, проверяя установку судна, и подводная часть «Таймыра» начала обнажаться. Корабль медленно выходил из воды прямо вверх, стоя на ровном киле.

Момент полного обнажения подводной части все ждали с огромным нетерпением.

Больше года «Таймыр» не ремонтировал, не красил свой борт ниже ватерлинии, не осматривал днище.

Но вот уходит вода все ниже и ниже.

Начинают показываться руль и винты.

Наиболее нетерпеливые «таймырцы» во главе с командиром и механиками сходят по трапам вниз, на дно дока, словно хотят догнать уходящую оттуда воду. В галошах, в резиновых сапогах, они бредут по щиколотку в воде под днище.

Прежде всего, как винты?

Выйдя под корму судна, моряки на несколько секунд замирают в молчании, имеющем оттенок благоговения. Пауза неожиданно кончается смехом и удивленным восклицанием одного из присутствующих:

— Чем же мы шли?

Действительно — «чем» двигался корабль, у которого нет винтов?

Бывает, что корабли теряют отдельные лопасти винта, бывает, что где-нибудь на камнях или во льду ломается и весь гребной вал.

Но «таймырские» винты имели совершенно необыкновенную форму и вид. Так выглядит цветок ромашки, если неаккуратно оборвать все его лепестки.

Винты четырехлопастные, и каждая лопасть обгрызана льдом на три четверти ее длины.

На обоих винтах нет ни одной целой лопасти.

Теперь личному составу корабля стало совершенно понятным, почему на обратном пути—от льдины Папанина до Мурманска — приходилось так отчаянно работать в кочегарках, держать повышенное давление в котлах и давать все больше и больше оборотов для того, чтобы поддерживать скорость хода.

Одними культяпками много не накрутишь!

Моряки идут медленно вдоль днища корабля по направлению к носовой части.

Механик, давно плавающий на «Таймыре», попутно объясняет:

— Вот это вмятина с тридцать пятого года, когда у Новой Земли на камень наткнулись. Штурман ревниво добавляет:

— Камень-то не был обозначен на карте, потому и...

Механик невозмутимо:

— Я же и говорю, открыли новый камень. Вот этот шрам от айсберга, когда около Колгуева нас к нему притиснуло в прошлом году... А вот это — памятка последнего похода... Д-да. Механик замолкает. И есть от чего. Вся носовая часть судна имеет гофрированный вид с выступами на шпангоутах.

Рыжеватый, облезлый, исцарапанный борт и эти торчащие с выбитыми заклепками швы придают кораблю жуткий вид.

Внутри корабля в носовом трюме зрелище еще страшнее.

Разорванные железные балки, крепления, светящиеся, как пулевые пробоины, отверстия, из которых выскочили за-

клепки. всюду лохмотьями висящая краска, рубцы, царапины, выбоины.

Похоже, что находишься в трюме корабля, много лет пролежавшего на дне моря...

В командирской каюте все виденное объясняется очень просто. Командир судна орденоносец, Борис Дмитриевич Барсуков, очень немногословен.

Он достает из шкафа объемистую пачку телеграмм.

— Вот это, как нас поздравляли и приветствовали.

В карандашных, порой трудно разбираемых строках звучат победные фанфары социалистического строя нашей страны.

Ведь действительно же: где-то на краю света, в Арктике, люди-моряки совершили героический ледовый поход. А их приветствуют по радио... Украинские рабочие и колхозники, трудящиеся города Ленина, кузнецы и молотобойцы с Урала, доярки и скотницы из-под Пскова, работники хлопковых плантаций Средней Азии.

Вся страна, буквально вся страна, затаив дыхание, следила за экспедиционным отрядом, который был двинут партией и советским правительством к льдине «Северный полюс».

Много, очень много этих телеграмм.

Они говорили о том, что рубиновые звезды Сталинского Кремля ярко освещают светом коммунизма любой из самых отдаленных уголков Советского Союза.

Но были и другие телеграммы.

Их значительно меньше. Они на много короче. В них под холодными словами официальных запросов чувствуется острая боль опасений за благополучный исход тяжелого плавания.

— Как положение? Как себя чувствуете?
Не нужна ли помощь? —

Запросы о помощи тем, которые сами только что помогли другим, повторяются в каждой радиограмме командования всей экспедицией.

Командир разворачивает свой журнал исходящих радиограмм. Вот что отвечал «Таймыр»:

«Имею в носовом трюме 220 тонн воды.
Все благополучно. В помощи не нуждаюсь.
Командир «Таймыра».

Тем, кто запрашивал «Таймыр» о его состоянии, хорошо было известно, что 220 тонн — полная, до верхней палубы, вместимость всего носового трюма. Коротенькое «имею» зна-

чило, что корабль на одну треть затоплен. Что он погрузился носом значительно больше, чем это допускается нормально.

Фактически корабль терпит аварию. Если он «имеет» забортную воду в трюме, следовательно, насосы и помпы бессильны ее откачать. Следовательно на корабле безостановочно идет борьба с водой, стремящейся раздавить переборки и хлынуть в остальные помещения судна.

Но «Таймыр» «в помощи не нуждается».

И это было не бахвальство. «Таймыр» благополучно дошел до Мурманска, доставив в своем трюме 220 тонн воды от берегов Гренландии.

Последние сутки похода кочегары работали по колено в воде... Корабль тонул. Но дошел самостоятельно до своего порта, выполнив возложенное на него задание.

Так плавают доблестные моряки-североморцы в глубоких и студеных морях Арктики.

ЗОЛОТОЙ ФОНД СЕВЕРНОГО ВОЕННОГО ФЛОТА

В личном составе Северного военного флота находится до семидесяти процентов комсомольцев — это подлинно золотой фонд молодого флота, это именно те кадры, о которых товарищ Сталин сказал, что «кадры решают все». И если проследить различные достижения флота, то, начиная от самых крупных успехов боевой и политической подготовки и кончая рядовыми выступлениями краснофлотской самодеятельности, везде мы находим застрельщиками и активными участниками членов Ленинско-Сталинского комсомола.

Вот почему в очень многих начинаниях ведущим для всех флотов Советского Союза является флот Северный.

В 1938 году, в связи с подготовкой к празднованию двадцатой годовщины ВЛКСМ, на Северном военном флоте развернулось движение за оставление на сверхсрочную службу.

Комсомольцы в речах и докладных записках заявляли о своем желании остаться в рядах военного флота.

Вообще говоря, Северный военный флот ежегодно ко дню очередной демобилизации краснофлотцев, выслуживших обязательный срок, имел рапортов с просьбой об оставлении на сверхсрочную службу значительно больше, чем это требовалось.

Но в данном случае о сверхсрочной службе заговорили комсомольцы по второму, по третьему году службы во флоте.

Инициатором этого замечательного движения был краснофлотец Северного военного флота комсомолец Тимофей Тарасов.

Его жизненный путь, такой небольшой еще годами,—прост и поразителен.

Во время призыва т. Тарасов — рабочий стахановец — отказывается от полагающейся ему льготы и идет во флот.

Краснофлотец Тарасов учится в Кронштадте в машинной школе. Овладевая техникой и тщательно изучая марксизм-ленинизм, Тарасов выходит из школы политически высоко развитым бойцом-коммунистом и ему комсомол и парторганизация поручают ответственные задания.

Машинист-краснофлотец Тарасов плавает на Северном военном флоте, одновременно работая на руководящем комсомольском посту.

Трудящиеся Архангельского Приморского избирательного округа посылают тов. Тарасова 26 июня 1938 года своим депутатом в Верховный Совет РСФСР.

С осени 1938 г. депутат Тимофей Тарасов зачисляется в число курсантов военно-политического училища имени Энгельса.

Следуя примеру т. Тарасова, значительное число комсомольцев Северного военного флота подало рапорты на имя Наркомата Военно-Морского флота.

Заявляя о своем желании служить в рядах РКВМФ, комсомольцы писали:

«Большинство из нас являются избранными на руководящую комсомольскую работу. Мы будем работать, не покладая рук, над тем, чтобы каждый комсомолец наших кораблей в самое ближайшее время стал отличником боевой и политической подготовки. Наши корабли будут лучшими в Северном флоте».

По постановлению ЦК ВКП(б) передовые комсомольцы выдвигаются на работу помощниками и заместителями политруков на работу огромной важности.

Среди них краснофлотцы — бойцы-отличники боевой и политической подготовки. Можно начать их перечень именами комсомольцев — Дементьева, Аксютова, Козменко, Будро, Мороза, Дувакина, Бездетко, Козакова, Старикова и многих других.

В Северном флоте есть много комсомольцев, награжденных орденами Советского Союза. Все они шли тяжелым и благородным путем упорной, инициативной работы.

Вот, например, биография командира одного из боевых кораблей Северного военного флота.

Весной 1922 года у вокзала станции Иваново можно было видеть невысокого парнишку лет пятнадцати в потертом полушубке с салазками. Парнишка в ожидании пассажиров похлопывал руками себе по бокам, как заправский извозчик.

Пассажиры за доставку их вещей платили когда хлебом, когда картошкой и этот заработок паренька был основным для большой его семьи.

Осенью 1922 года паренек вступает в Ивановскую комсомольскую организацию и, вскоре после этого, с первым комсомольским набором идет во флот.

Военно-морское училище имени Фрунзе в Ленинграде. Нетопленные помещения, преподаватели в шинелях и валенках, стынущие от холода руки.

И прежде чем начать изучать мореходную астрономию, надо научиться грамоте.

Шесть лет учебы в Морском училище, которое с каждым годом становится все более оборудованным, все более приспособленным для учебы.

Но вот училище окончено, и начинается снова учеба на корабле, в плавании.

Так проходит пять лет: молодой моряк становится помощником командира одного из боевых кораблей.

На нем и идет он весной 1933 года из Балтики по Беломорканалу на Север в составе первого отряда кораблей. Весной 1934 года комсомолец-командир назначается командиром боевого корабля.

Проходит еще три года, в течение которых этот корабль выращивает десятки великолепных бойцов. Командир-комсомолец награждается орденом Красной Звезды.

Все понятно и просто в жизни этого человека и все объясняется одной фразой: его воспитал комсомол.

Комсомольцы Северного военного флота держат тесную связь со своими шефами — комсомольцами Дзержинского района города Ленинграда.

В этой тесной, кровной связи рабочих у станка и бойцов у орудий и аппаратов — залог дальнейших успехов, зерно новых, еще больших побед.

ПЯТИЛЕТИЕ СЕВЕРНОГО ВОЕННОГО ФЛОТА

18 мая 1938 года исполнилось пять лет со дня образования Северного военного флота.

В приказе по Военно-Морскому Флоту от 17 мая 1938 года, отмечалось славное пятилетие Северного военного флота.

Вот выдержки из этого приказа:

«Пять лет тому назад, по инициативе великого Сталина, был создан Северный флот. За эти пять лет, вместе с ростом нашей социалистической родины и ее оборонной мощи, вырос и Военно-Морской Флот СССР, вырос и окреп его славный Северный отряд.

По воле партии, правительства и всего советского народа, благодаря повседневным личным заботам товарища Сталина и его ближайших соратников тов. Ворошилова, тов. Жданова и незабвенного С. М. Кирова, Северный флот вырос во внушительную силу, способную с честью защищать наши северные границы и дать сокрушительный отпор фашистскому агрессору, если он попытается напасть на нашу священную землю».

Северный флот, как один из отрядов нашего славного Военно-Морского Флота, стоящий на северном форпосте границ Советского Союза, имеет исключительно важное значение, являясь зорким часовым советского народа.

Почетную задачу создать могучий военно-морской и океанский флот, достойный нашей социалистической родины, решают и будут решать вместе со всем советским народом красные моряки Северного флота, одержавшие не одну славную победу в борьбе за завоевание Арктики.

...Северный флот должен...в ближайшее время решить задачу плавать и совершенствоваться в течение круглого года.

Полярные подводники и весь личный состав Северного флота не должны останавливаться на достигнутом, а совершенствовать и дальше свою подготовку, увеличивать знания и опыт, распространять достижения отдельных экипажей на все корабли.

Артиллеристы береговых батарей, летчики должны хорошо и четко работать в любых условиях — и летом, и полярной ночью, в условиях полярной зимы.

О степени культурного и художественного развития краснофлотцев Северного флота с достаточной убедительностью говорит программа юбилейного спектакля — концерта 18 мая 1938 года в Доме Красного Флота в Полярном.

Исполнялось обозрение «Самый молодой» — автор краснофлотец А. Петров, талантливый молодой поэт, член литкружка флота, активный сотрудник газеты «Краснофлотец». Исполнителями были краснофлотцы.

Обозрение «Самый молодой» прошло с большим успехом в Полярном, а затем — с еще большим успехом — в Доме Культуры и различных клубах Мурманска.

Краснофлотцы-североморцы ведут политико-просветительную работу и среди гражданского населения.

В частности, во время выборов в Верховный Совет СССР боевые корабли Северного военного флота в период, когда уже было прекращено пассажирское сообщение, ходили вдоль побережья от становища к становищу, агитируя за блок большевиков с беспартийными.

Из числа краснофлотцев-коммунистов и комсомольцев выделилось немало талантливых, крепко подкованных политически агитаторов и пропагандистов.

Всей своей работой и учебой за первые пять лет существования Северного военного флота краснофлотцы, командиры и политработники-североморцы доказывают, что они всегда готовы под знаменем великого Сталина выполнить всякое боевое задание партии и правительства.

Цена 55 коп.